P1
C34
II 62238

СИБИРСКІЕ

МОТИВЫ.

П—39

1-я Советская Центр. Библиотека. № г. Тюмень.

ИЗДАНІЕ

И. М. СИБИРЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 декабря 1885 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Въ Сибири, Омулевскаго	3
Я снамъ не вѣрю, но порой, его-же	4
Если ты странствуешь, путникъ, его-же	5
Сибирь (на открытіе сибирскаго университета въ Томскѣ), С. Фруга	6
Счастливый сонъ, Омулевскаго	8
Къ Родинѣ, П. Кожевникова	11
Родина, Семилужинскаго	14
Къ Родинѣ, А. Эпова	17
Вѣчно томимый завѣтной кручиною, Стрѣтенскаго	19
Барабинская степь, Омулевскаго	21
При разливѣ Оби, его-же	28
На берегахъ Енисея, его-же	31
Бирюсинскій лѣсъ, его-же	34
Между Томскомъ и Иркутскомъ, его-же	36
Ангарская греза, его-же	39
Близъ границъ Монголіи, его-же	40
Байкальская осень, С. Москвина	42
Алтай, Д. Садовникова	44
Сибирскія святки, Омулевскаго	45
Сибирякъ, его-же	48
Зимній путь, Н. Огарева	50
Пустыня, Н. Д.	53
Въ лѣсу, его-же	55
Переселенцы, С. Москвина	57

Стр.
Залетныя птицы, Омулевскаго 59
Колодники, А. Толстаго. 60
Посланіе въ Сибирь, А. Пушкина 62
Жена каторжника (изъ Барри Корнэля) 63
На дальней родинѣ моей, Омулевскаго. 64
Изъ поэмы «Дѣдушка», Н. Некрасова 65
Балаганъ, Семилужинскаго. 68
Ермакъ Тимофеевичъ 72
Ермакъ взялъ Сибирь (изъ древне-россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Кяршею Каниловымъ). 76
Стрѣла, Д. Садовникова. 85
Три брата, его-же. 88
Саатырь, А. Марлинскаго 90
Отрывки изъ поэмы: Войнаровскій, К. Рылѣева. 96
Далекій край, М. Розенгейма. 111
Камчадалъ, Омулевскаго. 123
Къ буряткѣ, Ѳ. Баульдауфа 121
Вѣтрянка, Семилужинскаго. 125
Черемуха, В. Михѣева. 127
Красная лилія, его-же. 128
Какъ бы жизнь ни шла сурово, Омулевскаго 130
Сибирская колыбельная пѣсня, его-же 131
Дума Сибиряка, С. Бердяева. 133
Посвященіе дочери, Омулевскаго 135
Къ молодому поколѣнію, его-же 136
Подрастающимъ землячкамъ, его-же 138
На новый годъ, его-же 140
Оборванныя струны, его-же 142
Пройдутъ года—и ты, страна родная, его-же. 143

Михаилъ Ефимовичъ
ДЕМЕНТЬЕВЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Каждому естественно любить свою родину, а подъ вліяніемъ этой любви воспитывается чувство и ютится поэзія. Нечего удивляться поэтому, что и среди сибиряковъ таится привязанность къ суровой и не всегда гостепріимной для другихъ, но дорогой и милой имъ родинѣ. Для этой бѣдной матери также нашлось у ея дѣтей теплое чувство, горячая слеза и пѣсня. На этой снѣжной пустынѣ, среди дикихъ скалъ, суждено было вырваться своему поэтическому мотиву, своей мелодіи. Какъ бы ни были бѣдны и скромны эти пѣсни, но онѣ цѣнны, какъ выраженіе теплыхъ чувствъ, какъ первые проблески любви, первые весенніе цвѣты на сибирскихъ поляхъ.

Сибирь кромѣ того часто приковывала вниманіе поэтовъ, даже не принадлежащихъ ей. Такъ

или иначе она говорила ихъ воображенію, вызывала различные образы. Поэтому мы не могли игнорировать тѣ строфы, которыя находимъ объ этомъ краѣ у нашихъ выдающихся поэтовъ, какъ напр. Пушкина, графа Ал. Толстаго, Некрасова, Рылѣева, Огарева, Марлинскаго, С. Г. Фруга, Садовникова, Баульдорфа, Розенгейма, и друг.

Мы собрали стихотворенія, раскиданныя въ разныхъ изданіяхъ, что бы дать понятіе объ общемъ представленіи и господствующемъ тонѣ поэзіи, посвящавшейся Сибири. Въ самомъ выборѣ стихотвореній мы не могли быть очень строги, располагая весьма ограниченнымъ матеріаломъ.

Можетъ быть, эти пѣсни воскресятъ и навѣютъ въ тѣсномъ кругу земляковъ и лицъ, близкихъ этому краю, добрыя чувства и воспоминанія.

КЪ СИБИРИ.

Сибирь родимая! повсюду и всегда
Съ любовію къ тебѣ я устремляю взоры,—
Несется пѣснь моя туда,
Гдѣ степи ты раскинула и горы
Картиною, чарующею глазъ
Любаго путника. О, много, много разъ,
Воскреснувъ въ памяти, онѣ мнѣ напѣвали
Отраду бодрую взамѣнъ живой печали!

Необозримая лежишь ты предо мной
Въ нѣмомъ величіи, страна моя родная!
Народъ твой спитъ еще, но въ грезѣ молодой
Мерещится ему судьба роднаго края!
Желалъ бы я, чтобъ въ нѣдра дорогія
Мой прахъ ты приняла, родимая земля.
Лежать въ чужой странѣ, гдѣ люди все чужіе,
Гдѣ чуждыя кругомъ раскинуты поля,
Я не могу! . . . . . .
. . . . . .

Омулевскій.

---

*
* *

Я снамъ не вѣрю, но порой,
Въ тиши ночей, неотразимо
Передо мной проходитъ мимо
Въ чудесныхъ грёзахъ край родной.

И то уже не край изгнанья,
А край свободнаго труда,
Гдѣ благоденствія года
Давно изгладили страданья.

Я снамъ не вѣрю, но пускай
Мнѣ чаще снятся грезы эти,—
Пускай, какъ въ матерь вѣрятъ дѣти,
Я тоже вѣрую въ мой край.

Омулевскій.

---

* * *

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти между прочимъ
Край мой далекій...

Тамъ сквозь снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что̀ терпятъ
Муки за муки...

Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди!

Омулевскій.

СИБИРЬ.

(НА ОТКРЫТІЕ СИБИРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ТОМСКѢ).

Далекій, чуждый край, суровый и унылый!
Въ раздумьѣ о судьбѣ загадочной твоей
Малюткою печальною и хилой
Являлся ты мечтѣ моей.
Малютка родилась въ семьѣ большой и шумной,
Но сестрамъ съ раннихъ дней была она чужда,

Ни гнѣва матери, и строгой, и разумной,
Ни ласкъ ея не знала никогда.
Ее батрачкою безправною считали,
Рожденной для труда, безсильной для борьбы;
Одну въ углу сыромъ и темномъ оставляли,
И пыль, и соръ изъ всей избы
Въ ея каморку выметали...

Но бѣдное дитя росло и выростало, —
И вотъ, сознанія и силъ живыхъ полна,
Будя и радуя, мечтѣ моей предстала
Разумная и гордая жена.
Изъ темныхъ тайгъ, съ равнинъ, снѣгами заметенныхъ,

Сквозь мракъ ненастія, подъ ревъ гудящихъ вьюгъ,
Идетъ она... Толпа сыновъ ея вокругъ,
При свѣтѣ факеловъ зажженныхъ,
Ей пролагаетъ путь по дебрямъ и снѣгамъ
Туда, гдѣ въ сумракѣ сверкаетъ дивный храмъ
И, заглушая вой угрюмой непогоды,
Звучитъ великій гимнъ познанья и свободы...

Такъ будьте-жъ до конца грядущихъ свѣтлыхъ дней
Благословенны небесами,
Вы, славные сыны, возставшіе бойцами
Въ защиту родины своей!..
Да будетъ этотъ храмъ, сооруженный вами,
Животворящихъ силъ источникомъ святымъ
И да смѣнитъ онъ тьму, царившую вѣками
Надъ вашими печальными полями,
Сіяньемъ вѣчнымъ и живымъ!..

С. Фругъ.

СЧАСТЛИВЫЙ СОНЪ.

Я видѣлъ сонъ: мнѣ снился чудный край,
Манившій глазъ богатствомъ и просторомъ.
Страна цвѣла, какъ первобытный рай;
Предъ очарованнымъ кипѣла взоромъ
Повсюду жизнь. Казалось, что враждѣ
Здѣсь мѣста нѣтъ: встрѣчались мнѣ вездѣ
Радушныя улыбки, и при этомъ
Уста звучали искреннимъ привѣтомъ.

Громады горъ тѣснилися вдали;
Ихъ снѣжныя, причудливыя цѣпи
Шли въ облака; съ хребтовъ, шумя, текли
Потоки водъ на бархатныя степи.
Вершинами дремучіе лѣса
Тянулись тоже гордо въ небеса.
Долины рѣкъ, покрытыя цвѣтами,
Легли ковромъ узорчатымъ мѣстами.

И тутъ, и тамъ пестрѣли города;
Ихъ фабрики, заводы и строенья
Разили глазъ энергіей труда.
Межъ городовъ ютилися селенья,

И пашенъ ихъ роскошный черноземъ
Распространялъ душистый паръ кругомъ;
Бродилъ вездѣ огромными стадами
Домашній скотъ, упитанный кормами.

Я обомлѣлъ... Но лучше во сто кратъ
И этихъ мѣстъ, и этой всей природы
Былъ самъ народъ. Казалось, весь объятъ
Могучимъ онъ сознаніемъ свободы;
Казалось, въ немъ, чрезъ многіе года
Тяжелыхъ мукъ, упорнаго труда,
Созрѣла мысль, что высшее богатство
Свободныхъ душъ—ихъ равенство и братство.

Да! братство здѣсь и равенство цвѣли:
Здѣсь юноша внималъ великодушно
Сѣдымъ мужамъ, а старцы эти шли
За молодымъ движеніемъ послушно.
Такихъ, какъ здѣсь, цвѣтущихъ матерей
Я не встрѣчалъ нигдѣ; забавы ихъ дѣтей
Невольно слухъ веселъемъ чаровали,
Красавицъ рой не вѣдалъ здѣсь печали.

И, наконецъ, спросить рѣшился я,
Войдя въ толпу радушнаго народа:
—Скажите мнѣ, какая здѣсь земля?
И почему такая здѣсь свобода?
—«У насъ Сибирь», отвѣтилъ мнѣ одинъ.
Другой сказалъ:—«Народъ нашъ—ссылки сынъ,
Онъ долго несъ изгнанья иго злое,
Чтобъ не цѣпить страданіе людское,

«И далъ обѣтъ несчастіе любить;
Не шелъ къ нему онъ съ холодомъ презрѣнья,
Но въ тьмѣ души погибшей заронить
Старался лучъ отрадный примиренья,—
И тайна вся свободы нашей въ томъ,
Что видимъ мы родного и въ чужомъ.
Живи у насъ, коль край нашъ приглянулся...»
Я задрожалъ отъ счастья—и проснулся.

Омулевскій.

КЪ РОДИНѢ.

(Посвящено А. П. И—ву).

Въ пустынномъ царствѣ сѣверныхъ морей,
При заревѣ арктическихъ сіяній,
На байдарѣ полярныхъ дикарей,
Средь шума волнъ и вѣтра завываній,
Въ снѣгахъ и льдахъ, межъ рыщущихъ звѣрей,
Гдѣ-бъ ни былъ я, въ далскомъ-ли изгнаньи,
Вездѣ тебя, возлюбленная мать,
О, родина! я буду вспоминать!

Любимая! прими же и теперь
Мой поцѣлуй и мой поклонъ заочный!
На этотъ разъ оторванъ я, повѣрь,
Съ груди твоей судьбою не нарочно:
Мнѣ кажется, къ твоимъ объятьямъ дверь
Навѣкъ въ тюрьмѣ закрыта полуночной...
Умру я здѣсь—и всплачутъ обо мнѣ
Лишь снѣговыя облака однѣ.

Но пусть навѣкъ застынетъ въ жилахъ кровь,
Пусть сердце смолкнетъ въ тѣлѣ омертвѣломъ,
Смежится глазъ, не дрогнетъ больше бровь...
О родина! и въ трупѣ леденѣломъ
Угаснетъ ли къ тебѣ моя любовь?
Нѣтъ! вѣчно подъ моимъ покровомъ бѣлымъ,
Свободный, чуждый жизненной борьбѣ,
Я только буду грезить о тебѣ!

И мертвому предстанешь ты опять
Въ своемъ любимомъ мною такъ уборѣ:
Весна,—и вѣетъ Божья благодать
На всемъ; съ улыбкой дѣвичьей во взорѣ
Нарядъ природа стала обновлять;
Рванулись, зашумѣли на просторѣ
Вездѣ, какъ дѣти рѣзвыя, ручьи,
Цвѣтнѣй ковровъ и золотой парчи;

Блеснули вкругъ расцвѣтшія поля;
Пѣснь пташки звонко понеслась изъ сада;
Въ сіяніи величественномъ дня
Незримо дышетъ тайная отрада;
Пахнуло свѣжимъ запахомъ земли;
И дальнія нѣмыхъ гольцовъ громады
При свѣтоносномъ, чудномъ вешнемъ днѣ
Сверкнули ярче въ синей вышинѣ.

И говоритъ о чемъ-то сказку лѣсъ,
И пристальнѣй съ равнины необъятной
Глядится въ воды свѣтлый ликъ съ небесъ,

И льетъ трава свой запахъ ароматный;
И прелести, и тайны, и чудесъ
Исполненъ день и вечеръ незакатный..
И жизнь твоя роскошнымъ, чуднымъ сномъ
Пригрезится мнѣ въ царствѣ снѣговомъ.

П. Кожевниковъ.

Якутскъ.

РОДИНА.

Я рожденъ въ странѣ далекой.
Къ чьимъ гранитнымъ берегамъ
Вѣчно хладною струею
Плещетъ грозный океанъ.

Я рожденъ въ землѣ обширной,
Гдѣ границъ пространствамъ нѣтъ,
Гдѣ отъ моря и до моря
Разостлался бѣлый свѣтъ.

Я изъ той страны привольной,
Гдѣ начала нѣтъ рѣкамъ,
Гдѣ зелеными морями
Лѣсъ бушуетъ по долам.

Я изъ той земли, гдѣ горы
Тонутъ въ бѣлыхъ облакахъ
И, извилисты какъ змѣи,
Расползаются въ степяхъ,

Все, кажись, въ странѣ той диво,
Вся она полна чудесъ:
Горы съ розами близъ снѣга
И зимой зеленый лѣсъ,

Вверхъ стремящіяся рѣки,
Въ бездну бьющій водопадъ,
Рай, раскинутый въ долинѣ,
И ущелій темный адъ.

Я изъ странъ, въ которыхъ соболь
Съ давнихъ поръ ведетъ свой родъ,
Гдѣ лисица съ горностаемъ
Драгоцѣнный мѣхъ даетъ,

Гдѣ олень стадами бродитъ,
Гдѣ боберъ родится сѣдъ;
Я изъ той страны, чьей краше
И пушистѣй бѣлки нѣтъ.

Я оттуда, гдѣ роскошно
Разстилаются луга,
Что современемъ поточатъ
Рѣки меда и млека.

Я изъ той земли, чьи нѣдра
Драгоцѣнный держатъ кладъ,
Для дворцовъ порфиръ и мраморъ,
Малахиты для палатъ.

Я изъ той страны, что людямъ
Дорогой металлъ дала,
Для царей вѣнцы сковала
И въ порфиры облекла.

Къ той землѣ съиздавна зависть
Въ людяхъ жгучая живетъ,
Къ почвѣ дѣвственнаго края
День за днемъ маня народъ,

И за дальними горами
Край пустынный и нѣмой,
Постепенно оживляясь,
Блещетъ новой красотой,

. . . . . .

. . . . . .

И я слышу чуткимъ сердцемъ,
Что великою судьбою
Начинаетъ уже вѣять
Надъ моимъ далекимъ краемъ,
Надъ страной моей родною.

Семилужинскій.

КЪ РОДИНѢ.

(изъ зимнихъ элегій).

Словно саваномъ снѣгомъ одѣтая,
Словно мертвый недвижно блѣдна,
Божьимъ солнышкомъ скупо пригрѣтая,
Человѣческой жизнью бѣдна,
Убаюкана пѣсней суровою —
Дикимъ воемъ твоихъ непогодъ,
Въ скорбной дремѣ подъ сѣнью кедровою
Проводила ты за̀ годомъ годъ.

Ты спала тяжкимъ сномъ, позабытая,
Надъ тобой проносились вѣка̀,
Не искала богатства сокрытаго
Въ твоихъ нѣдрахъ людская рука,
Но пришелъ человѣкъ обездоленный,
Не на радость пришелъ къ тебѣ онъ,
И изъ шахтъ глубоко похороненный
Раздался человѣческій стонъ.
Годъ за годомъ здѣсь люди забытые
Въ скалы крѣпкія ломомъ стучатъ,
Годъ за годомъ слезами облитые
Все сильнѣе ихъ вопли звучатъ.

Ихъ уста призываютъ проклятія
На тебя, моя родина-мать,
Что тебѣ въ ледяныя объятія,
Суждено ихъ какъ въ гробъ, принимать...
И ложится свинцовою думою
На тебя эта ненависть ихъ,
И глядишь ты, какъ прежде, угрюмою
Изъ-подъ снѣжныхъ покрововъ твоихъ!

А. Эповъ.

Вѣчно томимый завѣтной кручиною,
Грустно стою предъ родимой картиною...
Робкое сердце тревожно стучитъ;
Каркнетъ ли воронъ, вьюга-ль гудитъ—
Чувству такъ больно, и мысль подавляется,
Словно весь міръ умирать собирается.
Вотъ они, грозно-тяжелые дни!
Медленно, страшно проходятъ они,
Точно надъ степью раздольно суровою,
Туча за тучею массой свинцовою;
Даль непроглядная мутно-темна...
Что-то въ грядущемъ готовитъ она,
Бѣдная родина съ бѣдной природою!

Ты ли кичишься просторомъ—свободою?
Ты ли гордишься безъ края тайгой,
Степью раздольной и рѣкъ глубиной?
Знаю, сильна ты своими предѣлами;
Выси твои, съ очертаньями смѣлыми,
Снѣжными шапками въ небо ушли,—
Нѣту богаче и шире земли!
Но, разскажи-жъ, безпривѣтно-холодная,

Гдѣ твоя нива завѣтно-свободная?
Или въ твоей перемерзлой груди
Зрѣетъ она и взрастетъ впереди?

. . . . . .

. . . . . .

Жду я отвѣта, родная земля!
Но безотвѣтны пустыя поля...

Стрѣтенскій.

БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОКЪ.

I.

Не забыть мнѣ, какъ ранней весною,
Чуть растаютъ снѣга на поляхъ,
Я, бывало, родной Барабою
Проѣзжалъ, по зарямъ, на дружкахъ *).

При волшебномъ румянцѣ природы
Путь въ степи чародѣйски хорошъ!
Какъ съ просонокъ, зардѣются воды
Озерковъ. Точно бодрая дрожь

Пробѣжитъ по сухому бурьяну
Отъ весенняго вѣтра, -- а тамъ
И уйму нѣтъ степному буяну;
Онъ, какъ вихорь, несется къ холмамъ,

*) «Ѣхать на дружкахъ» — выраженіе чисто-сибирское. «Дружками» зовутъ вольныхъ ямщиковъ на Барабѣ, гдѣ у каждаго изъ нихъ имѣется на ближайшей станціи свой «дружокъ» (пріятель), который обязательно и везетъ сѣдока дальше за впередъ условленную дешевую плату. На остановкахъ за продовольствіе и услугу не берутъ ничего, — такъ, по крайней мѣрѣ, было на нашей памяти.

Гдѣ задвигались странныя тѣни:
Это вѣтреныхъ мельницъ ряды,
Пробудясь отъ его нападеній,
Начинаютъ дневные труды.

Такъ и ждешь, что сейчасъ Донъ-Кихота
Привидѣнье мелькнетъ на холмахъ...
И дремать пришадаетъ охота,
Созерцая лишь крыльевъ размахъ.

Но картины мгновенно не стало,
Унеслась и дремота за ней,
— «Жги, малютки!» кричитъ разудало
На проворныхъ дружокъ лошадей.

Онъ къ бичу не даетъ имъ повадки:
Не для краснаго молвить стишка, —
Барабинскія знаютъ лошадки
Рукавицу да голосъ дружка.

Подъ дугой колокольчикъ обычный
Такъ и замеръ, не трогая слухъ, —
И во мнѣ, отъ ѣзды непривычной,
Замираетъ томительно духъ.

Изъ-подъ ногъ лошадей, безъ оглядки,
Въ бѣлыхъ брючкахъ мохнатыхъ, гурьбой
Удираютъ въ ковыль куропатки,
Точно школьницы рѣзво домой.

II.

И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше картины..
Впереди—перелѣсокъ пошелъ.
На верхушкѣ громадной лѣсины
Возсѣдаетъ, топорщась, орелъ.

А вдали, по срединѣ дороги,
Какъ хозяева полные тутъ,
Косачи безъ малѣйшей тревоги
Совѣщанье о чемъ-то ведутъ.

— «Глуповатая птица веспою», —
Замѣчаетъ дружокъ про себя: —
«Ужъ была бы винтовка со мною,
Не видать бы тетеркамъ тебя!»

И, прикрикнувъ: — «Держись, молъ, лѣвѣе!»
Разгоняетъ онъ птицъ. А заря
Такъ и пышетъ все ярче, алѣе.
Вдругъ—ея же лучами горя—

Развернулося озеро. Слышенъ
Гдѣ-то издали крикъ лебедей.
Вонъ плывутъ онѣ парами! Пышенъ,
Розоватый теперь отъ лучей,

Ихъ нарядъ бѣлоснѣжный. И глухо,
Точно исповѣдь слышится мнѣ:
— «Тоже бьютъ ихъ не мало... для пуху...
Вотъ ужь это, такъ птица вполнѣ!»

И дружокъ, покраснѣвъ, какъ дѣвица,
Продолжаетъ, сдержавши коней:
— «Королевна прямая! — не птица!
Ишь, у насъ полюбилося ей.

«Здѣсь мѣста — благодатное дѣло,
Не другимъ, не Рассеи чета...
Аль тебѣ ужь трястись надоѣло?
Погоди! — остается верста.

«Не верста хоть — побольше немного,
Да вѣдь кто ихъ здѣсь мѣрялъ? Допрежь
Тутъ была столбовая дорога,
А тепереча волкъ ее ѣшь!

«Попадаются, значитъ, гнилые
Верстовые столбы посейчасъ, —
Старики и толкуютъ сѣдые:
Семисотныя версты у насъ!

«Ну, малютки! вздохнули съ натуги?»
Рѣчь заводитъ онъ съ тройкой лихой,—
И, прикрикнувъ: — «Работайте, други!»
Ужь несется, какъ вихорь степной.

III.

Вотъ и станція. Снова рядами
Возвышаются мельницъ холмы.
Подъѣзжаемъ къ пристанищу мы
Въ три окошка съ рѣзными ставнями.

Вся семья высыпаетъ впередъ
Къ растворившимся настежъ воротамъ.
— «Сѣдока, молъ, Господь вамъ даетъ,
Такъ примайте-ка гостя съ почетомъ», —

Говоритъ, поклонившись, дружокъ.
И пойдутъ, по-сибирски, привѣты,
Да поклоны, да съ солью отвѣты, —
Точно здѣсь—твой родной уголокъ.

Но хоть онъ и чужой, а съ охотой
За порогъ переступишь его:
Тамъ все дышетъ хозяйствомъ, заботой,
Чистоплотностью прежде всего.

Входишь въ горницу. Пахнетъ пріятно
Лиственичнаго лѣса смолой;
Полъ лоснящійся вымытъ съ дресвой,
И особенно какъ-то опрятно

Смотрятъ голыя стѣны кругомъ.
А къ стѣнамъ прислонились рядами,
Подъ накрышкой тюменскимъ ковромъ,
Сундуки съ дорогими вещами.

Тутъ же, съ грудой подушекъ, кровать
Манитъ путника пышной периной
За цвѣтистый свой пологъ старинный—
На лебяжьемъ пуху полежать.

И мигнуть не успѣешь, раздѣвшись,
Какъ накроется въ горницѣ столъ;
А хозяйская дочка, зардѣвшись,
Съ устремленными взорами въ полъ,

Разстановитъ на скатерти чистой
Угощеній обильный запасъ, —
И невольно разлакомятъ васъ
Самый видъ ихъ и паръ ихъ душистый.

И чего-то, чего-то здѣсь нѣтъ!
За обиліемъ яствъ и соленій,
Какъ сибирскаго кушанья цвѣтъ —
Подаются ржаные пельмени.

Но когда изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ
Любопытныя выглянутъ очи
Съ глубиною и сумракомъ ночи,
Какъ у зоркихъ встревоженныхъ птицъ,

И послышится звукъ мелодичный:
«На здоровье покушай-ка всласть», —
Такъ и дрогнетъ душа необычной
Симпатіей, похожей на страсть.

О, степныя красавицы наши!
На разцвѣтѣ житейской весны
Навѣвали чудесные сны
Мнѣ глаза темнокаріе ваши...

Но довольно. Мечты о быломъ
Заковали въ незримыя цѣпи
Расходившійся стихъ мой—и въ немъ
Не осталось простора для степи.

Не порвать мнѣ волшебную цѣпь.
Я не въ силахъ разрушить былого...
Ты простишь мнѣ безсиліе слова,
Барабинская чудная степь!

Омулевскій.

ПРИ РАЗЛИВѢ ОБИ.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОКЪ.

I.

Посмотри: словно морю подобная
Масса водъ передъ нами лежитъ,
Это Обь разлилась многоводная
И кругомъ величаво царитъ.

Размывая прибрежья сыпучія
И со дна поднимая пески,
Необычными смотрятъ могучія
Мутно-желтыя воды рѣки.

То аллеей, то густо сплоченныя,
Будто сказки волшебной сады,
Надъ рѣкою вершины зеленыя
Ольхъ гигантскихъ торчатъ изъ воды.

Хоть гляди не гляди—не допросится
Имъ конца очарованный глазъ!
А съ прибрежнаго лѣса доносится
Вѣковой благовоній запасъ.

И приводитъ въ восторгъ неиспытанный
Чужеземнаго путника здѣсь
Опьяняющій воздухъ, пропитанный
Ароматомъ черемухи весь...

II.

Посмотри: вереницами смѣлыми
Передъ нами, за нами—вездѣ—
Голенастыя стаями цѣлыми
И летятъ, и плывутъ по водѣ.

Тутъ приволье для царства пернатаго,
Тутъ безлюдье глухое и тишь;
Лишь пріютъ остяка простоватаго
Кое-гдѣ по рѣкѣ разглядишь.

Но, съ годами, иным поколѣніямъ
Предстоитъ здѣсь раздолье труда;
Закипятъ многолюднымъ движеніемъ
И по этой рѣкѣ города...

Что шумятъ тамъ? случилось что новаго?
Всѣ у борта столпились кругомъ:
Изъ воды осетра трехпудоваго
Пароходъ нашъ метнулъ колесомъ.

Не дивись: тутъ запасы несмѣтные
Всякой рыбы, въ глубокихъ водахъ...
И пускай эти воды завѣтныя
Будутъ вѣчно въ сибирскихъ рукахъ!

Омулевскій.

НА БЕРЕГАХЪ ЕНИСЕЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ЗЕМЛЯКАМЪ.

Стою—и льются градомъ слёзы...
Чрезъ сколько лѣтъ... и то не грёзы,
Не сонъ, что снова вижу я,
Какъ видѣлъ въ молодость былую
Тебя, кормилицу родную?...
О, здравствуй, родина моя!

Румяно-свѣжая, какъ роза,
Въ вѣнкѣ брильянтовомъ мороза,
Въ блестящей туникѣ снѣговъ,—
Ни на кого ты непохожей
Стоишь невѣстою пригожей,
Готовой встрѣтить жениховъ...

Внутри хоромъ твоихъ привѣтныхъ
Весь полъ—изъ камней самоцвѣтныхъ.
Тамъ груды всякаго добра;
Медвѣди, соболи, куницы
И чернобурыя лисицы
Лежатъ у ногъ—взамѣнъ ковра.

Безъ чванства, чуждая кокетства,
Ты всѣмъ, кого ты знала съ дѣтства,
При встрѣчѣ душу отдаешь,—
И твой порогъ переступая
На склонѣ лѣтъ, я вновь, родная,
Сталъ юнъ, какъ наша молодежь.

Пришелецъ чуждый издалека
Лишь на одно мгновенье ока
Тебя суровою найдетъ;
Но кто рѣчей твоихъ послушалъ,
Кто у тебя гостилъ и кушалъ—
Твой образъ въ сердцѣ унесетъ.

На всѣхъ концахъ земной планеты
Разскажетъ онъ твои примѣты:
Сильна—какъ въ сказкахъ богатырь,
Ума и разума—палата,
Какъ рудникъ золотой—богата
Привольна—какъ степная ширь.

И часто гость, на мѣстѣ новомъ,
Тебя помянетъ добрымъ словомъ...
А тѣ страдальцы, чья судьба
Тебѣ ввѣрялась по приказу,
Безъ ласки искренней ни разу
Не выходили отъ тебя!

Отвергнувъ мести ложной право,
Ты имъ не ставила лукаво
Въ укоръ содѣяннаго зла--
И, братскимъ движима участьемъ,
Ихъ преступленія лишь «несчастьемъ»
Цо-человѣчески звала...

О, много тамъ ихъ, на чужбинѣ,
Я зналъ, уже свободныхъ нынѣ!—
И всѣ, съ кѣмъ ты разлучена,
Сказать велѣли, грусть скрывая,
Большой поклонъ тебѣ, родная
Моя красавица-страна!

Омулевскій.

БИРЮСИНСКІЙ ЛѢСЪ.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОКЪ.

Что̀ пристально взглянулъ, ямщикъ, ты на меня?
Дивитъ тебя, небось, съ какимъ восторгомъ я
На жесткомъ облучкѣ присѣлъ съ тобою рядомъ?
Ты думаешь: «Зачѣмъ онъ жаднымъ ловитъ взглядомъ,
По обѣ стороны дороги, темный лѣсъ?
Вѣдь въ Питерѣ, поди, какихъ ужъ нѣтъ чудесъ!»

Пожалуй, ты и правъ... Но знай, землякъ любимый,
Мнѣ всяческихъ чудесъ милѣе край родимый,
Мнѣ любо оттого, что ѣдемъ мы тайгой:
Не спится и во снѣ столицѣ лѣсъ такой!
Какъ всѣ сибиряки, люблю я боръ дремучій,
Гдѣ бродитъ нашъ землякъ косматый и могучій —
Медвѣдь; его у насъ «хозяиномъ» зовутъ, —
И, точно, онъ вполнѣ хозяйничаетъ тутъ.
Мнѣ Мишка тоже любъ: сибирскія трущобы
Представить не могу я безъ его особы.
Давно, когда еще я отрокомъ былъ самъ
И шлялся, какъ иной звѣренокъ, по лѣсамъ,
Запасъ поэзіи безпечно накопляя, —
Ужъ зналъ я этого причудника-лѣнтяя:

Встрѣчался ли мнѣ кедръ, обросшій снизу мхомъ,
Бруснику ли я бралъ горстями, какъ черпкомъ,
Искалъ ли дикихъ пчелъ въ лѣсинѣ лиственичной,—
Мнѣ такъ и думалось, что лакомка привычный
Такихъ лѣсныхъ даровъ, такихъ отборныхъ блюдъ—
Косматый мой землякъ—ужъ гдѣ нибудь да тутъ.
Случилось даже намъ и лакомиться вмѣстѣ,
Хотя и не вблизи, но такъ... шаговъ за двѣсти.
Замѣтивши меня — гроза сибирскихъ бабъ—
Рябины спѣлой кустъ онъ выпустилъ изъ лапъ
И вѣжливо привсталъ, какъ будто приглашая,
Чтобъ я ему прочелъ стихи, не унывая;
Но я скорѣй удралъ: «лукавъ, молъ, ты, землякъ,
Да только вѣдь и я... природный сибирякъ.»

.

Такъ вотъ какъ, мой ямщикъ! Сибирскою тайгою
Потѣшилъ ты меня; а тамъ, за Бирюсою,
Пойдетъ ужъ лѣсъ другой, и я соснуть могу.
Но знаешь ли, за что люблю я такъ тайгу?
Она являетъ мнѣ живое воплощенье
Страны моей родной: въ ней то же запустѣнье,
Такой же въ ней хаосъ, безлюдье, тишина,
И такъ же благомъ правъ обижена она;
Въ ней столько же богатствъ, нетронутыхъ отъ вѣка,
На пользу общую, рукою человѣка,
И тѣ же, наконецъ, медвѣди, за людей,
На полной волюшкѣ хозяйничаютъ въ ней...

Омулевскій.

МЕЖДУ ТОМСКОМЪ И ИРКУТСКОМЪ.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОКЪ.

Посвящается Н. М. Ядринцеву.

Притомленная полднемъ и солнечнымъ днемъ,
Подвигаясь лѣниво впередъ,
По Сибирскому тракту съ подругой вдвоемъ
Насъ почтовая тройка везетъ.

Неотвязно за нею летя, пауты *)
Перламутромъ на солнцѣ блестятъ.
И налѣво цвѣты, и направо цвѣты...
Точно въѣхалъ въ запущенный садъ.

Отъ безчисленныхъ лилій, піоновъ и розъ,
Отъ повсюду разсыпанныхъ массъ
Колокольчиковъ синихъ, кукушкиныхъ слезъ,
Непривычный теряется глазъ.

*) Паутъ—сибирское названіе овода.

И въ восторгѣ мнѣ шепчетъ подруга моя:
«Удивителенъ край твой, поэтъ!»
Очарованный тоже, не вытерпѣлъ я
И въ минуту нарвалъ ей букетъ.

—«Да! сказалъ я подругѣ, съ сіявшимъ лицомъ, —
Хорошо на моей сторонѣ:
Ты полюбишь ее еще больше потомъ,
Какъ узнаешь народъ нашъ вполнѣ.

«Еще краше, чѣмъ эти живые цвѣты,
Что растутъ на долинахъ родныхъ,
Затаилъ онъ ума и души красоты
Въ непзвѣданныхъ думахъ своихъ.

«И какъ тѣ вонъ, подруга, кругомъ насъ лѣса,
Что̀ вершинами лиственницъ тамъ
Горделиво ушли, уперлись въ небеса, –
Онъ старается вырости самъ...»

Я умолкъ и смотрѣлъ, какъ грядами вокругъ
Шампиньоны бѣлѣлись въ травѣ.
«Удивителенъ край твой!» нечаянно вдругъ
Промелькнуло въ моей головѣ.

Я смотрѣлъ, какъ мѣнялись виды, и вдыхалъ
Благовоніе пихтъ молодыхъ;
Какъ въ чарующемъ снѣ, я кобылкамъ внималъ,
Трескотней подзадоренный ихъ.

А надъ тройкой усталой вились пауты,
Проносясь то впередъ, то назадъ.
И направо цвѣты, и налѣво цвѣты...
Совершенно запущенный садъ!

Омулевскій.

АНГАРСКАЯ ГРЕЗА.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОКЪ.

Вонъ виднѣются горы Байкала
Въ чуть замѣтной дали Ангары...
И душѣ моей живо предстала
Ты, избранница юной поры!

Мнѣ мерещится смуглый румянецъ,
Смоль густыхъ, непокорныхъ волосъ,
И отъ солнца блестящій ихъ глянецъ,
Оттѣненный бутонами розъ.

Я узналъ васъ, сибирскія розы!
Разскажите вы, милыя, мнѣ:
Иль не губятъ снѣга и морозы
Васъ и въ нашей суровой странѣ?

И, какъ тихій младенческій лепетъ,
Мнѣ послышался ясно отвѣтъ:
«Мы цвѣтемъ, подавляя свой трепетъ,
Ради родины, милый поэтъ!»

Омулевскій.

БЛИЗЬ ГРАНИЦЪ МОНГОЛІИ.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОКЪ.

Ѣду я... Саянскіе хребты
Тѣшатъ глазъ мой вѣчными снѣгами.
Я дремлю. О родинѣ мечты
Золотыми кажутся мнѣ снами.

Чу!.. монголъ... Луна глядитъ съ небесъ,
Какъ онъ палъ предъ чѣмъ-то на колѣни...
А къ нему чудесный темный лѣсъ
Протянулъ причудливыя тѣни.

Сонъ пропалъ. Но грезы все ростутъ.
Словно тѣ сѣдые великаны,
Что стоятъ на стражѣ вѣчной тутъ,
Въ голубые кутаясь туманы.

Мнѣ сдается: родина моя
Черезъ нихъ гигантскими шагами
Перешла и смотритъ на меня
Ожиданья полными очами, —

И, качая грустно головой,
Будто шлетъ мнѣ молча укоризну,
Что не разъ я тамъ, въ странѣ чужой,
Забывалъ далекую отчизну...

Омулевскій.

БАЙКАЛЬСКАЯ ОСЕНЬ.

Помню я родины осень угрюмую,
Сѣрыя скалы, гранитъ,
Словно стоявшихъ съ какою-то думою
Пасмурныхъ лиственницъ видъ

Въ смутной дали облаками тяжелыми
Горъ громоздились хребты,
Хмурясь вершинами темно-свинцовыми,
Дикой полны красоты.

Бурнаго озера волны сердитыя,
Рвясь титанами въ высь,
Въ пѣну жемчужную вѣтромъ разбитыя,
На берегъ шумно неслись.

Тьмою обьятая, съ пѣснью унылою
Буря металась, рвалась;
Жгучей кручиною, думой постылою
Пѣсня та въ душу лилась.

Мощь исполина, въ бояхъ посѣдѣвшаго,
Чуялась въ бурѣ родной,
Точно звала она сына робѣвшаго
Выступить съ нею на бой.

Этою ночью, въ погоду ненастную,
Стиснутый массами скалъ,
Ты проявилъ свою силу мнѣ властную,
Дикій и чудный Байкалъ!

С. Москвинъ.

АЛТАЙ.

ТЕЛЕНГИТСКАЯ ПѢСНЯ.

Царь-Алтай! съ высоты кочевыхъ облаковъ
Треугольнымъ ты кажешься взору;
А съ боковъ, словно грани ихъ, девять угловъ
За горой выдвигаютъ тамъ гору.

Развѣтвился какъ плеть и извилистъ хребетъ
Чудныхъ горъ моего царь-Алтая;
Солнце всходитъ на немъ и свершаетъ заходъ,
Будто въ синихъ волнахъ утопая.

Много крови лилось, много думалось думъ
За Алтай мой—красу на полміра, —
Отчего же теперь ты стоишь такъ угрюмъ?
Гдѣ корона твоя и порфира?

Точно сѣрымъ ковромъ ты окутался весь,
Отъ роскошныхъ лѣсовъ оголенный..
Гдѣ-жъ величье твое? гдѣ краса твоя днесь,
О, Алтай мой, Алтай раззоренный?!..

Д. Садовниковъ.

СИБИРСКІЕ СВЯТКИ *).

Заплетися, плетень, заплетися...
Святочная пѣсня.

О, кто васъ не помнитъ въ былые порядки,
Не цѣнитъ, не любитъ, сибирскіе святки,
Съ раскатистымъ смѣхомъ, съ морозною пылью,
Съ веселымъ напѣвомъ, съ сердечною былью,
Съ радушной хозяйкой, съ красавицей дочкой,
Съ трескучимъ морозомъ и лунною ночкой!

Бывало, нагрянешь веселой ватагой,
Со скрипкой, съ гитарой, а пуще съ отвагой,
Въ забавныхъ костюмахъ, въ причудливыхъ маскахъ,
Къ знакомымъ, гдѣ нѣту отказа вамъ въ ласкахъ,
Гдѣ знаешь, что шалость оцѣнятъ со смысломъ,
И мигомъ поднимешь тамъ дымъ коромысломъ.

---

*) Къ сожалѣнію, въ послѣднюю бытность нашу въ Сибири, три года тому назадъ, мы уже не встрѣтили тамъ прежней задушевности святочныхъ вечеровъ; пѣсни и игры замѣнились кадрилью и т. п. Тѣмъ болѣе хотѣлось намъ въ предлагаемомъ стихотвореніи дать нынѣшней сибирской молодежи хотя слабое понятіе о томъ, какъ веселились у насъ въ недавнюю старину: вѣдь это уже отжило почти. *Примѣч. автора.*

А тутъ ужь, увлекшись, хозяева сами
Заложатъ лошадокъ и ѣдутъ всѣ съ вами
Куда нибудь дальше, къ своимъ ужъ знакомымъ, —
И катится снѣжнымъ компанія комомъ,
Пока не наскучитъ искать новоселья.
А смѣху-то сколько! а сколько веселья!

Бывало, сберется какъ въ горенкѣ тѣсной
Цвѣтникъ сибирячекъ живой и чудесный, —
Все смуглыя лица, все алыя губы,
Все карія очи, все перлами зубы, —
Да пѣсни польются, да игры затѣютъ,
Такъ, кажется, стѣны—и тѣ веселѣютъ!

Ужъ что и за пѣсни!—прямая услада,
А игры какія!—блаженства не надо:
Все жарче и громче, живѣй и чудеснѣй
За каждой игрою, за каждою пѣсней
Звучатъ поцѣлуи и нѣтъ имъ запрета...
Вотъ такъ бы и отдалъ всю душу за это!

Не то расшалятся и цѣлой гурьбою
Айда̀ всѣ на стужу одна за другою;
Кидаются снѣгомъ, ушки потираютъ,
Толкаютъ другъ дружку, рѣзвятся, гадаютъ, —
И зябко, и любо, и хохотъ нервозный
Разносится звонко по ночи морозной.

А къ утру, какъ только средь пѣсни подблюдной
Раздастся къ заутрени благовѣстъ чудный,
Все смолкнетъ въ минуту, притихнетъ все сразу,
Лишь слышишь хозяевъ радушную фразу:
«Гуляйте почаще!»—и станутъ прощаться,
И дремлется сладко, и жалко разстаться.

О, гдѣ вы, тѣ годы надеждъ и желаній?
Унесъ васъ, какъ вихорь, потокъ испытаній!
О, гдѣ вы, тѣ пѣсни, тѣ игры живыя?
Вы тѣ, да не тѣ же, что были впервые!
Живешь и къ могилѣ спѣшишь безъ оглядки,
И мнѣ ужъ не знать васъ, сибирскіе святки!

Омулевскій.

СИБИРЯКЪ.

Смѣлость, смѣтливость, повадка
Рыскать по странѣ,
Чистоплотность, умъ, приглядка
Къ новой сторонѣ;

Горделивость, мысли здравость,
Юморъ, жажда правъ,
Добродушная лукавость,
Развеселый нравъ;

Политичность дипломата
Въ рѣчи при чужомъ,
Откровенность, вольность брата
Съ истымъ землякомъ;

Страсть отпѣтая къ природѣ —
Отъ степей до горъ,
Духъ, стремящійся къ свободѣ,
Любящій просторъ;

Поискъ дѣла, жажда свѣта,
Юной жизни кровь,.
Безъ предѣла и завѣта
Къ родинѣ любовь;

Страсть отстаивать родное,
Знать: да что, да какъ?
Стойкость, сердце золотое,—
Вотъ нашъ сибирякъ!

Омулевскій.

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

(изъ дорожныхъ воспоминаній).

Въ дорогу я пустился въ ночь.
Привычки трудно превозмочь:
Поутру я объятъ дремотой,
Потомъ, ходъ времени цѣня,
Люблю я съ мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То есть вкусить обѣдъ и ужинъ
(Всегда порядокъ въ жизни нуженъ),
А въ ночь свободно ѣхать. Вотъ
Уже и тройка у воротъ,
И вотъ, скрипя, помчалась прытко
По снѣгу мерзлому кибитка.
Путь гладокъ и ярка луна,
Безмолвнымъ свѣтомъ ночь полна,
Студеный воздухъ сжатъ морозомъ;
Иглистый иней по березамъ
Повисъ недвижно и блеститъ;
Поляна снѣжная лежитъ,
Мерцая отблескомъ лиловымъ

И вѣетъ холодомъ суровымъ,
И взоръ, съ невольною тоской,
Слѣдитъ за смутною чертой,
Гдѣ небо далью блѣдно-синей
Слилося съ бѣлою пустыней.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но, стой! Вотъ станція! Встрѣчаетъ
Смотритель съ заспаннымъ лицомъ,
Мундиръ потертый надѣваетъ,
Стоитъ у двери и потомъ
Выходитъ вонъ, ворча сквозь зубы.
А я, освободясь отъ шубы,
Томимъ зѣвотой и лѣнивъ,
Сажусь, сигару закуривъ.
Пока со сна ямщикъ впрягаетъ,
Пока, колеблясь и треща,
Уныло сальная свѣча
Передо мною нагараетъ—
Часы стѣнные въ тишинѣ
Одно и то же сипло, глухо
Лепечутъ въ мѣрной болтовнѣ,
Какъ сумасшедшая старуха.
И какъ-то жутко! Духъ въ груди
Тѣснится; думы смутно бродятъ:
То будто горе впереди,
То будто призраки проходятъ
Людей минувшихъ и опять

Судьба готова повторять
Всѣ жизни тяжкія мгновенья,
Ошибки, скорби и волненья...
Но полно! Звякнула дуга;
Нѣтъ времени для грусти праздной
Подъ звукъ часовъ однообразный:
Теперь минута дорога. . . . . .
. . . . . .

Н. Огаревъ.

ПУСТЫНЯ.

Пустыня... глушь... кругомъ снѣга...
Повисло небо сѣрой тучей,
Порою стелется вьюга
И злится, словно звѣрь могучій
Въ желѣзной клѣткѣ на цѣпи...
Пройдетъ гроза—въ нѣмой степи
До новой бури тишина,
Нѣмого ужаса полна.
А ночь настанетъ—издалека
Полнеба разомъ озаритъ
Во тьмѣ не дремлющее око:
Сполохъ загадочный горитъ.
То кинетъ полымя высоко,
То ляжетъ яркою дугой,
То вдругъ короной огневой,
Пустыни мертвыя вѣнчая,
Виситъ--таинственно мерцая...
Нѣмого полюса сосѣдъ,
Дикарь унылый, молчаливый,
Порою мчится самоѣдъ
Съ своей подругою сонливой.

Къ спинѣ прижавъ свои рога,
Его полярные олени
Мелькнутъ, не бросивъ даже тѣни
На озаренные снѣга...

Н. Д.

ВЪ ЛѢСУ.

Тихо сходитъ сумракъ синій,
Тихо гаснетъ день
И ложится надъ пустыней
Невидимкой тѣнь.
Спятъ лѣсистыя долины
И въ туманѣ ихъ
Словно плаваютъ вершины
Елей вѣковыхъ.
Тяжело и трудно дышешь,
Блекнетъ мысль твоя;
Человѣка не услышишь,
Не найдешь жилья...
Путь ползетъ горой кремнистой,
И навстрѣчу мнѣ
Вѣетъ чащею смолистой...
Я тону во мглѣ...
Какъ подъ сводами темницы,
Тишь въ лѣсахъ стоитъ.
Даже клекотъ хищной птицы
Ихъ не оживитъ...

Радъ бы пѣть—да не поется;
Каждый окликъ твой
И замретъ, и оборвется
Въ тишинѣ лѣсной...
Лишь зимою—словно море
Бѣлые снѣга,
И гуляетъ на просторѣ
Вольная вьюга...

Н. Д.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Я видѣлъ стариковъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Старухъ морщинистыхъ съ печальнымъ взоромъ,
Подростковъ, ихъ отцовъ, тѣснившихся кругомъ,
Смотрѣвшихъ въ даль родимую съ укоромъ.

Запомнилъ также группы блѣдныхъ дѣтскихъ лицъ,
Не по лѣтамъ серьезныхъ и пытливыхъ;
Въ ушахъ моихъ звучитъ случайный смѣхъ дѣвицъ,
Какъ эхо горъ пустынныхъ, молчаливыхъ...

Скажите мнѣ: кто вы? куда лежитъ вашъ путь?
Зачѣмъ звучитъ тяжелый вздохъ мольбою?
О чемъ скорбитъ душа, что давитъ вашу грудь?
Какая мысль терзаетъ васъ собою?

«Мы—люди,—былъ отвѣтъ;—желанье насъ одно,
Одна мечта сплотила дорогая:
На родинѣ нѣтъ силъ трудиться, тамъ бѣдно,—
Влечетъ насъ ширь невѣдомаго края.

«Хотимъ найти земли незанятый просторъ,
Приволье рѣкъ, чащу лѣсовъ дремучихъ.
Идемъ въ Сибирь, идемъ среди равнинъ и горъ
Поднять свой духъ, набраться силъ могучихъ.

«Мы все покинули: родимыя мѣста
И отчій домъ, гдѣ молодость промчалась,
И гдѣ подъ тяжестью житейскаго креста
Не разъ душа болѣла, надрывалась.

«Мы все покинули... Идемъ мы въ новый путь...
Душа полна сомнѣній и тревоги.
О Боже! укрѣпи, поддержкой нашей будь
И дай намъ силъ не потерять дороги!»

Затихли голоса, умолкъ ихъ звукъ глухой...
Весь этотъ людъ, лишь знавшій безпокойство,
Онъ у тебя пусть, край мой дорогой,
Найдетъ и трудъ, и силы и довольство!

С. Москвинъ.

Г. Иркутскъ, 1883 г.

ЗАЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

Вихрями въ бурные годы
Въ край нашъ заноситъ глухой
Птицъ незнакомой породы,
Смѣлыхъ и гордыхъ собой...

Много тѣхъ птицъ погостило
Въ нашей холодной странѣ...
Снѣгомъ слѣды ихъ покрыло,
Смыло водой по веснѣ...

Много залетные гости
Пищи странѣ принесли...
Мы, въ благодарность, ихъ кости
Въ мерзлой землѣ сберегли...

Но равнодушіе края
Нашихъ гостей не смутитъ:
Эта отважная стая
Дома не долго сидитъ...

Сдѣлайся буря--и стаю
Вихорь опять занесетъ,
А, попривыкнувши къ краю,
Дастъ она, вѣрно, приплодъ...

Омулевскій.

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ,

— Что, братцы, затянемъ-те пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ видно такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затянули,
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

А. Толстой.

ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

А. Пушкинъ.

ЖЕНА КАТОРЖНИКА.

(изъ БАРРИ КОРНЭЛЯ).

У тебя клеймо на лбу,
И позорно и черно;
Всѣмъ видна твоя вина,
И не смоется она.

Но вездѣ пойду съ тобой;
Кто тебя полюбитъ тамъ,
Если будешь брошенъ мной?

Цѣлый міръ тебя отвергъ,
И грѣшна душа твоя,
Цѣлый міръ тебя отвергъ,
Но не я, не я, не я!

Если на смерть раненъ тигръ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ любя
И тигрица,—милый мой,
Я тигрица у тебя!

---

* * *

На дальней родинѣ моей
Обычный звукъ былъ звукъ цѣпей,
Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будить привыкъ
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтобъ не звучалъ онъ для меня;
Не зналъ ночей такихъ, чтобъ мнѣ
Онъ не пригрезился во снѣ,
Все также явственно звеня.

Я ощущаю и поднесь
Въ ушахъ болѣзненную рѣзь,
Когда доходитъ звукъ такой
До нихъ, хоть издали, порой,—
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей —
Страны изгнанія и мукъ...

Омулевскій.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ДѢДУШКА“.

(отрывокъ).

Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ,
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ—
Ѣдутъ туда коммиссары,
Глядь—ужъ деревня стоитъ,
Риги, сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ,
Мельницу выстроятъ скоро.
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки.
Вновь черезъ годъ побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли,
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричатъ, поросята
Тычутъ въ корыто носы...

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ—
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дива творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!
Сколько тамъ, Саша, свиней,
Передъ селеніемъ бѣло
На полверсты отъ гусей;
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно—ведется копѣйка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка—
Изъ соболей воротникъ!

Дѣти до возраста въ нѣгѣ,
Конь хоть сейчасъ на заводъ,
Въ кованой, прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ за то и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,

Подати платятъ до срока,
Только ты имъ не мѣшай.
«Гдѣ-жъ та деревня?»—Далеко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь, за Байкаломъ...
Такъ-то, голубчикъ ты мой,
Ты еще въ возрастѣ маломъ,
Вспомнишь, какъ будешь большой...

. . . . . .

Н. Некрасовъ.

БАЛАГАНЪ.

(пѣсня косцовъ).

Бѣдный, непокрытый,
Холодомъ подбитый,
Вьюгою повитый,
Скромный балаганъ.

Выстроенъ ты въ лѣсѣ,
Сложенъ близко пашни,
Пріютилъ ты первый
Нашъ крестьянскій станъ.

Среди вьюги зимней
Осенью холодной
Предкомъ ты построенъ
Въ этомъ мѣстѣ былъ.

Межъ народовъ дикихъ,
Подъ грозою, ночью
Строилъ тебя старый,
Да и не покрылъ.

Долго тебя вьюгой
Даромъ заметало,
Звѣрь лѣсной, голодный,
Здѣсь зимою жилъ.

Подожженъ бродягой,
Проклятъ поселенцемъ,
Бѣдный, обгорѣлый,
Я тебя открылъ.

Какъ скелетъ скотины,
Сожранной волками,
Остовомъ несчастнымъ
Бросили тебя.

Но—укрою листвой,
Устелю травою,
Ельничкомъ зеленымъ
Обовью любя.

Ты меня согрѣешь
Ноченькой осенней,
Курево въ тебѣ я
Лѣтомъ разложу.

Весело съ косцами
Я въ тебѣ ночую,
А на утро бодрый
Косу наточу.

Травонька валится,
А косцовъ проворныхъ
Межъ травы высокой
Ровно не видать.

По лугу веселье,
По лугу работа,
По лугу моёму
Косаньки звенятъ.

Возлѣ балагана,
Крикъ идетъ и игры,
Малыхъ ребятенокъ
Хороводъ шумитъ.

И смѣются дѣти
Какъ морковникъ свѣжій,
Въ куревѣ сгорая,
Клубомъ улетитъ.

Балаганъ утыканъ
По бокамъ припасомъ,
Хлѣбушка и шанегъ
Въ немъ навалено.

Есть косцамъ что выпить:
Есть и медъ, и брага,
А повеселиться—
Зелено вино.

Конченъ трудъ тяжелый.
Созывай-же къ пиру
Ты жнецовъ усталыхъ,
Бѣдный балаганъ!

Созывай и потчуй
Вволю до отвала,
Угощай на славу
Нашихъ помочанъ!

Изъ травы навьемъ мы
Для гостей тарелокъ...
Веселѣй, костеръ нашъ,
Веселѣй гори!

Пиръ между косцами,
И несется пѣсня,
И идетъ веселье
До алой зари.

Семилужинскій.

ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ.

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ).

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе!
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ:
На Яикъ намъ идти, да переходъ великъ,
Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идти, да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
У него тамъ силы много-множество,

Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшону,
А, намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоритъ,—
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
Гей, выдумайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскрестся весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю-морю,
Да по синему морю по хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго,
Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки въ единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, и въ походъ идти.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы атаманы молодцы,

Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то государь Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу-Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Понесу я Царю Бѣлому повинную;
Ой ты гой еси, надежда православный Царь,
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить,
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я-то, воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то, гулялъ вѣдь по синю-морю,
Что по-синю морю по хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые:
А теперича, надежа православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство сибирское.
Рѣчь возговоритъ надежа православный Царь,
Какъ и грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
Ой ты гой еси Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,

Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка,
Я прощаю тебя, да и съ войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ вѣрную
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.

ЕРМАКЪ ВЗЯЛЪ СИБИРЬ.

(Изъ древне-россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ.)

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги-рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славны атаманы казачіе

Ермакъ Тимофеевичъ, Самбуръ Андревичъ и Апофрій Степановичъ;
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ казакамъ,

По имени Ермакъ Тимофеевичъ:
«А и вы гой еси братцы, атаманы казачіе!
Не корыстна у насъ шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,

Убили мы посла Персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани жить нельзя,

На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—Грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь Осударь Иванъ Васильевичъ;
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,

По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ;—
Пойдемте мы въ усолья ко Строгоновымъ,
Къ тому Григорью Григорьевичу,
Къ тѣмъ господамъ Вороновымъ —

Возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго.»
И будутъ они въ усольѣ у Строгонова,—
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу, пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зиму зимовать.—

И нашли они пещеру каменну
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе,

На другой сторонѣ въ такую жъ они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.—
Та зима проходитъ, весна настаетъ;
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ.

Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами,
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки;
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися,

Тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, обрадовались,
Подѣлали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ—

И соро они выплыли въ Тагиль рѣку;
У того медвѣдя камня у Магницкаго—горы становилися,
А на другой сторонѣ было у нихъ плодбище,
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.

Жили они тутъ казаки съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися;
И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,

И поплыли по Тагиль рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку;
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,

Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже съ тѣми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь рѣкѣ,

Въ Мяденски юрты приплыли,
Тутъ они князьяка полонили небольшаго.
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ на изголовѣ становилися,
И собиралися во единой кругъ,

И думали думушку крѣпко за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ
Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднііимъ,
Анофрій Степановичъ устьемъ нижніимъ,

Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два атамана казачіе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ,
Со своими товарищами на Иртышъ рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.

И тутъ у нихъ стала баталія великая,
Со тѣми Татары Котовскими;
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А казакамъ взять не можно ихъ.

И была баталія цѣлой день,
Прибили казаки тѣхъ Татаръ не мало число—
И тому Татары дивовалися,
Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ;

Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено,
Только казаки всѣ невредимы стоятъ,
И тому татары дивуются наипаче того.
Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;

Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума Царя Татарскаго,
А перваго князька поиманнаго
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,

Чтобы они въ дракѣ съ казаками помирилися.
Ужъ-де Царя вашего во полонъ взяли
Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ.
И таковы слова услыша Татары сократилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,

Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскіихъ,
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабапака Татарина
И далъ ему полномочіе владѣть имп.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова

До зимняго Николина дня;
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми казаки
Отъѣзжалъ въ Каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ въ Каменной Москвѣ,
На канунъ праздника Христова дня;

Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самой праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь Государь идти отъ заутрени,

Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
Что-де атаманы казачіе,
Ермакъ Тимофеевъ съ товарищи
Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью
пришли,
И стоятъ на Красной площади.

И тогда Царь Государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимофеева,
Со тѣми его товарищи;
Тотчасъ ихъ къ ко Царю представили

Въ тѣхъ шубахъ соболиныихъ,—
И тому Царь удивляется;
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.

Втапоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума Царя Татарскаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,

Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника
Приказалъ Царь Государь
Того Ермака предъ себя привести;
Тотчасъ ихъ собрали

И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь Государь:
«Гой ты еси, Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
И напрасныхъ душъ губилъ,

И какимъ случаемъ татарскаго
Кучума Царя полонилъ,
И всю его Татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?»
Втапоры Ермакъ передъ Грознымъ Царемъ на колѣни
палъ,

И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ,
И при томъ говорилъ таковыя слова:
«Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичъ!
Приношу тебѣ, Осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему,

И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо идти
Послу Персидскому Корамышеву Семену Костантиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на насъ своею волею,

И хотѣли отъ насъ поживитися,—
Казаки наши были пьяные,
А солдаты упрямые—
И тутъ Персидскаго посла устукали
Со тѣми его солдаты и матросами».

И на то Царь Государь не прогнѣвался;
Но и паче умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.
И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ.

Брать съ нихъ дани. выходы въ казну Государеву.
И по тому приказу Государеву
Поѣхалъ Ермакъ Тимофеевичъ
Со своими казаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскіихъ;

Сталъ онъ ихъ наибольше
Подъ власть Государеву покоряти,
Дани, выходы безъ запущенія выбирати.
И годъ, другой тому времени поизайдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися,

На Ермака Тимофеева
Напущалися на той большой Енисеѣ рѣкѣ;
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только бы казаковъ на дву коломенкахъ,

И билися, дралися съ Татарами время не малое,
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ Ермакъ хотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,

Правою ногою поскользнулся онъ—
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей быстру рѣку:

Тутъ Ермаку такова смерть случилась.

СТРѢЛА.

(Татарское преданіе изъ времени покоренія Сибири.)

Кучумъ, сдержать не въ силахъ гнѣвъ,
Сказалъ: «Позвать ко мнѣ Ахмета!
Онъ смѣлъ ослушаться меня!..
Пускай поплатится за это!..»

Татаринъ входитъ молодой
Въ шатеръ разгнѣваннаго хана,
И говоритъ ему Кучумъ
Среди собравшагося стана:

— «Ослушный рабъ, когда шутить
Ты вздумалъ дерзостно со мною,
Такъ, знай же, за свою вину
Заплатишь завтра головою!»

— «Въ твоихъ рукахъ я, мощный ханъ!..
Не страшно мнѣ лишиться жизни,
Но думалъ я, что, можетъ быть,
Ее пожертвую отчизнѣ...»

Нахмурилъ брови ханъ Кучумъ
На рѣчи смѣлаго Ахмета—
— «Когда ты правду говоришь,
Такъ докажи мнѣ: до разсвѣта

Ступай сегодня къ казакамъ,
И мнѣ изъ середины стана,
Во что-бъ ни стало, укради
Стрѣлу казацкаго колчана».

Ахметъ выходитъ. Вслѣдъ за нимъ
Идетъ татаръ толпа густая,
На гибель вѣрную и смерть
Его глазами провожая.—

Проходитъ ночь—Ахмета нѣтъ,
Кучумъ не спитъ, боясь измѣны;
Всю ночь вкругъ ханскаго шатра
На стражѣ латники безъ смѣны.—

Заря растетъ, и новый день
Встаетъ среди людскаго шума...
Подходитъ кто-то, не спѣша,
Къ шатру могучаго Кучума

И хану проситъ доложить,
Что онъ исполнилъ повелѣнье.
Ведутъ къ Кучуму; тотъ глядитъ,
Не въ силахъ скрыть свое волненье —

Сѣдой татаринъ передъ нимъ
Стоитъ съ полупотухшимъ взоромъ,
И подаетъ ему стрѣлу —
Съ нѣмымъ, но тягостнымъ укоромъ.

Онъ посѣдѣлъ за эту ночь,
Сдержавъ обѣщанное слово:
Проползъ одинъ въ казачій станъ
И старцемъ сталъ изъ молодаго...

Презрѣньемъ взоръ его горитъ...
Рабамъ покорнымъ онъ не сроденъ.
Ханъ отвернулся: «Уходи
Отсюда, дерзкій! Ты свободенъ».

Д. Садовниковъ.

ТРИ БРАТА.

(БУРЯТСКАЯ ЛЕГЕНДА).

На горахъ, въ избѣ просторной
Жилъ старикъ богатый, Громъ;
У него три сына было,
Такъ и жили вчетверомъ.

Солнце было старшимъ сыномъ,
Мѣсяцъ былъ середовикъ,
А Огонь, меньшо́й сынишка,
Всѣхъ бойчѣй, да невеликъ.

Разъ пришло отцу на мысли
Испытать родную кровь:
Коли дѣти вправду любятъ,
Такъ сильна-ли ихъ любовь?

Думалъ старый и надумалъ:
(Былъ великій знахарь Громъ)
Обернулся незнакомымъ
Онъ захожимъ молодцомъ.

Вотъ ребята въ полѣ пашутъ,
Вдругъ подходитъ молодецъ
И кричитъ: «Скорѣй бѣгите!
Помираетъ вашъ отецъ!»

Прежде всѣхъ Огонь пустился,
Только ростомъ былъ онъ малъ;
Старшій братъ—за нимъ же слѣдомъ
И далеко обогналъ.

Мѣсяцъ думаетъ: «Куда мнѣ
Торопиться? Погожу...»
Вынулъ хлѣба изъ котомки,
Сѣлъ обѣдать на межу.

«Ну, сказалъ отецъ, ты, Солнце,
Бѣгай въ небѣ черезъ ночь:
Ты родительскому горю
Не задумался помочь!»

«Ты, середній, мало любишь
И большой руки лѣнтяй,
Такъ ходи ты въ небѣ ночью,
То расти, то ущербай!

«Ты, меньшой, пришелъ всѣхъ позже,
Ну, да это не бѣда:
Больше всѣхъ отца ты любишь,
Такъ свѣти, Огонь, всегда!».

Д. Садовниковъ.

СААТЫРЬ.

(ЯКУТСКАЯ БАЛЛАДА).

Не вѣтеръ вздыхаетъ въ ущельѣ горы,
Не камень слезится росою,
— То плачетъ Якутъ до полночной поры,
Склонясь надъ женой молодою.
Ужъ пятую зорю томится она,
Любви и веселья подруга,
Безъ капли воды, безъ цѣлебнаго сна,
На жаркой постели недуга:
Съ румянцемъ ланитъ лучъ надежды погасъ:
Какъ воронъ надъ нею погибели часъ.

Умолкните чаръ и моленія вой
И бубновъ плачевные звуки!
Съ одра Саатырь поднялась головой,
Простерла поблеклыя руки:
И такъ, какъ подъ снѣгомъ роптанье ручья,
Какъ звонъ колокольчика дальной,
Струится по воздуху голосъ ея;
Внемлите вы рѣчи прощальной;
Священъ для живыхъ передсмертный завѣтъ:
У гробныхъ дверей лицемѣрія нѣтъ!

«О други! уйдетъ ли журавль отъ орла?
Отъ пуль быстроногія козы?
Коль смертная тѣнь мнѣ на сердце легла,
Прильютъ ли дыханія слезы?
О мужъ мой—не плачь, намъ судьба изрѣкла
И въ бракѣ разлучную долю.
По волѣ твоей я доселѣ жила,
Исполни теперь мою волю:
Покой и завѣтъ нерушимо храня,
На горномъ холмѣ схорони ты меня!»

«Не вѣшай мой гробъ на лѣсной вышинѣ
Духамъ, непогодамъ забавой;
Въ родимой землѣ рой могилу ты мнѣ,
И кровлей замкни величавой.
Вотъ слово еще, роковое оно:
Едва я дышать перестану,
Сей перстень возьми и ступи въ стремено,
Отдай его князь-Буйдукану.
Разгадки-жъ къ тому не желай, не слѣди
— Тайна эта въ моей погребется груди!...»

И смерть осѣнила больную крыломъ,
Сомкнулись тяжелыя вѣжды;
Казалось, она забывается сномъ
Въ объятіяхъ сладкой надежды;
Съ дыханіемъ устъ замирали слова,
И жизнь улетѣла со звукомъ,

Отбросивъ стрѣлу, такъ звенитъ тетива,
Могучимъ расторгнута лукомъ.
Родныхъ поразилъ изумляющій страхъ...
На сердцѣ тоска и слеза на очахъ.

Убрали. Подниэки подобіемъ струй
Текутъ иа богатыя шубы.
Но грусти печать—отъ родныхъ поцѣлуй
Не сходитъ на блѣдныя губы;
Лишь смѣло къ одру подходилъ Буйдуканъ
Одинъ, и стопою незыбкой:
Онъ обнялъ ее не смущенъ и румянъ,
И вышелъ съ надмѣнной улыбкой.
И чудилось имъ—Саатыри чело,
Какъ сѣвернымъ блескомъ на мигъ разсвѣло!...

На утро, гдѣ Лена межъ башнями горъ
Течетъ подъ завѣсой тумановъ,
И вѣтеръ, буря истлѣвающій боръ,
Качаетъ гробами шамановъ...
При кликѣ родныхъ Саатырь принесли
Въ красивой колодѣ кедровой,
И тихо, разверзтое лоно земли
Сомкнулось надъ жертвою новой.
И дѣвы и жены, и старый и младъ,
Въ улусъ потекли, озаряясь назадъ.

Вскипѣли котлы, задымилася кровь
Коней—украшенія стада,

И брызжетъ кумысъ отъ широкихъ краевъ,
Онъ счастья и горя услада;
И шумно, кругомъ, упоенья кумиръ
Аяхъ пробѣгаетъ бездонный,
Ужъ вянетъ заря. Поминательный пиръ
Затихъ. У чувала склоненный
Кругъ сонныхъ гостей возлежитъ недвижимъ,
Лишь въ юртѣ, сипѣя, волнуется дымъ.

Осыпаны кудри цвѣтныхъ тальниковъ
Росинками ночи осенней,
И вышита зелень холмовъ и луговъ
Узоромъ измѣнчивыхъ тѣней;
Вотъ мѣсяцъ надъ теменемъ сумрачныхъ скалъ
Вспрянулъ кабаргой златорогой,
И лучъ одинокій по Ленѣ упалъ
Видѣньямъ блестящей дорогой:
По мхамъ, по тропамъ заповѣдныхъ полянъ
Мелькаютъ онѣ сквозь прозрачный туманъ.

Что крикнулъ испуганный врапъ на скалѣ,
Блюститель безмолвія ночи?
Что искрами сыплютъ и меркнутъ во мглѣ
Огнистыя филина очи?
Не адскій ли по лѣсу рыщетъ ѣздокъ,
Заглохшей шаманскою тропкой?
Какъ бубенъ звуча, отражаемый скокъ
Гудитъ по окрестности робкой...
Вотъ кто-то примчался—онъ блѣденъ лицомъ,
Какъ идолъ стоитъ на холмѣ гробовомъ,

И прянулъ на землю; ударъ топора
Раздвинулъ затворъ надъ могилой,
И молвитъ онъ мертвой: «подруга, пора!
Женихъ дожидается милой!
Воскресни для новыхъ веселія дней,
Для жизни и счастія. Кони
Умчатъ насъ далеко—и вѣтеръ степной
Завѣетъ слѣды отъ погони.
Притворной кончиною вольная вновь,
Со мной ты найдешь и покой и любовь».

«Ты ль это, о милой? о князь-Буйдуканъ!
Какъ вѣчно казалось мнѣ время:
Какъ душно и страшно мнѣ было! Обманъ
На сердце налегъ будто бремя!..
Роса мнѣ катилась слезами родныхъ,
На вѣтрѣ—ихъ стонъ безотрадной:
И черви на мѣсто перстней золотыхъ
Вились—и такъ смѣло, такъ жадно!..
Вся кровь моя стынетъ—а близокъ ли путь?
О милый, согрѣй мнѣ въ объятіяхъ грудь!»

И вотъ поцѣлуевъ таинственный звукъ
Подъ кровомъ могильной святыни,
И сладкія рѣчи... но вдругъ и вокругъ
Слетѣлися духи пустыни,
И трупы шамановъ свились въ хороводъ,
Ударили въ бубны и чаши....

Внимая трепещутъ любовники! вотъ
Имъ вопятъ: «вы наши, вы наши!
Не выдастъ могила схороненный кладъ;
Преступниковъ духи карають, казнятъ!»
И падаютъ звѣзды, и прыщетъ огонь...
Испуганный адскою ловлей
Храпитъ и кидается бѣшеный конь
На кровлю—и рухнула кровля!
Вдали огласился раздавленныхъ стонъ...
Погибли. Но тѣнь Саатыри
До нынѣ пугаетъ измѣнчивыхъ женъ
По тундрамъ Восточной Сибири.
И ловчій когда разливается тьма,
Въ боязни бѣжитъ роковаго холма.

А. Марлинскій.

1828 года.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ „ВОЙНАРОВСКІЙ.“

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...

.

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...
Никто страны сей безотрадной,

Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придётъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ,
Лѣсной тунгузъ, и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;

Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подчасъ, спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ...

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной.
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра казакъ проворной
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
. . . . . .
. . . . . .
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезёнъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; смотри: не видно
Печати роковой на немъ,

Для человѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днёмъ...
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ —
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной;
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлечёнъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ,
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы

По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому
Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалàцкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климàтъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гналъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій —
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ нà-спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... вдругъ выстрѣлъ!... быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ

Окровавлённый упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахою черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ,
Охотникъ ловкой и проворной...

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой —
Все душу странника страшило.
Но, трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
«Кто бъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»
«Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближномъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;
Уже вечерняя пора...

Но мы вблизи заимки скудной:
Пойдемъ — тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной.»

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже видѣнъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
И одинокой и унылой,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли—и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливой;
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская.
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ...
Вотъ, вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ
И съ лаской гостя посадилъ.

И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытной
Съ нимъ о Сибири разговоръ...
Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
Ихъ рѣчь живѣе и живѣй
И вдругъ нечаяннно склонилась
Къ судьбѣ народовъ и царей...
Въ какое жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ?
Покинувъ родину, съ тоскою
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдаго пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихъ сверкали;
Они другъ друга понимали —
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной

Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный,
И, слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

. . . . . .

. . . . . .

II.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ:
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучъ одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ...
«Видалъ ли ты когда весной,

Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ — врага иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутной

Въ своемъ изгнаньѣ возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютной,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

«Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой.
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.

Я къ ней... и что же?... Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!...

«Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О странникъ! тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней!...

Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ...»

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой:
Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу-другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстромъ партѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жадпымъ взоромъ,
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной,
Кровъ одинокой и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимые края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенья земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его не идетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной,
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ,
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Всё пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Всё въ запустѣньѣ! мыслитъ странникъ,
Куда жъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ

Въ оцѣпененьи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

К. Рылѣевъ.

ДАЛЕКІЙ КРАЙ.

(отрывокъ)

Давно то было, было встарь —
Царилъ надъ Русью грозный царь
Иванъ Васильичъ. Тяжела
Рука державная была
Его, какъ молотъ боевой,
Надъ всею русскою землей.
Прошли тѣ дни, когда она
Однимъ врагамъ была страшна,
Когда, какъ помнятъ старики,
Водила русскіе полки
Она на праведную брань
Противъ татаръ; когда Казань
Сломала, Астрахань взяла
И гордый орденъ потрясла.
Да, было это и прошло,
И темной былью поросло!
И доблесть юнаго царя
Давно угасла, какъ заря
Предъ мрачнымъ днемъ. И царь Иванъ,

Сурово-мстительный тиранъ,
Налегъ надъ Русью; и съ тѣхъ поръ
Обильно горе и позоръ
Онъ сѣялъ по землѣ родной,
Томимый яростью слѣпой,
И утучнялъ тотъ злой посѣвъ
Народной кровью царскій гнѣвъ...
И наступили времена: —
Обильно злыя сѣмена
Взростили горькіе плоды
Безславья, срама и нужды.
Бѣда неслась со всѣхъ сторонъ:
И угнетенъ, и разоренъ,
Шелъ врозь испуганный народъ,
Не стало славныхъ воеводъ:
На плахахъ, въ пыткахъ, на кострахъ
Они изгибли. Всюду страхъ
Царилъ надъ русскою землей.
Губилъ ее татаринъ злой
И разорялъ король Стефанъ.
А онъ, земли своей тиранъ,
То подозрѣньями томимъ,
То жаломъ совѣсти язвимъ,
Страшась и мертвыхъ, и живыхъ,
Подъ тяжкимъ гнётомъ дѣлъ былыхъ,
Вѣкъ доживалъ свой, хилъ и старъ,
Въ толпѣ запуганныхъ бояръ,
Угрюмо дни влача.
И вотъ,
Въ тѣ дни позора и невзгодъ.

Въ Москву вдругъ прибылъ посланецъ,
Съ нежданной вѣстію гонецъ.
Примчался онъ издалека;
То былъ подручникъ Ермака
Съ товарищи, Иванъ Кольцо,
И сталъ предъ царское лицо;
И кланялся казакъ лихой
Царю сибирскою землей
Отъ всѣхъ опальныхъ казаковъ,
Прося съ повинныхъ ихъ головъ,
Простыхъ людей и старшины,
Забывъ ихъ давнія вины,
Опалу милостиво снять
И даръ посильный ихъ принять.
И рѣчь простая казака,
Какъ влага въ зной, была сладка
Душѣ царя въ годину бѣдъ.
Давно, подъ гнётомъ скорбныхъ лѣтъ,
Не зналъ онъ радостныхъ вѣстей,
Забылъ и славу прежнихъ дней,
И торжество побѣдъ, и вотъ,
Негаданно во дни невзгодъ,
Побѣдный кликъ онъ слышитъ вновь,
Знакомый кликъ былыхъ годовъ.
И словно ожилъ дряхлый царь.
Потухшій взоръ его, какъ встарь,
Сверкнулъ, заискрился огнемъ,
И на безмолвную кругомъ
Толпу бояръ своихъ въ упоръ
Язвительный онъ бросилъ взоръ.

И съ трепетомъ, какъ въ оны дни,
Во взорѣ томъ прочли они
Упрекъ насмѣшливый и злой
Съ кичливо-наглой похвальбой.
Но взоръ тотъ молніей вокругъ
Сверкнулъ на мигъ лишь и потухъ;
Усмѣшка стерлася съ ланитъ,
И царь, принявъ смиренный видъ,
Благоговѣйно устремилъ
Взоръ на иконы и склонилъ
Главу онъ набожно потомъ,
Широкимъ осѣнясь крестомъ.
Минуты двѣ онъ помолчалъ,
Всѣхъ строгимъ взглядомъ обѣжалъ
И молвилъ: «Многогрѣшныхъ насъ
Господь и въ сей невзгодный часъ,
Знать, не покинулъ до конца!
Не отвратилъ отъ насъ лица
Онъ въ милосердіи своемъ.
На окаянствѣ нашемъ всемъ
Не посудилъ онъ своего
Раба, призрѣвъ на скорбь его
И боль сердечныхъ тяжкихъ ранъ.
И вотъ, когда король Стефанъ,
Исполняся гордыни злой
И божій страхъ забывъ, войной
На насъ неправой наступилъ
И наши земли разорилъ,
Когда ужъ полчища враговъ
Отнять грозились старый Псковъ,

И люди, въ сей невзгодѣ зря
Господній гнѣвъ на ихъ царя,
Являютъ шатость душъ своихъ,—
Лукавство посрамляя ихъ,
Господь нашъ въ самый оный часъ
Взыскуетъ вновь смиренныхъ насъ
Великой милостью своей,
Зане лишь онъ судья царей!
И снова преклонясь челомъ,
Царь осѣнилъ себя крестомъ,
И просвѣтленное лицо
Онъ обратилъ опять къ Кольцо,
Велѣлъ ему поближе стать
И доскональо разсказать
Все по порядку, что и какъ,
Какъ добывалъ Сибирь Ермакъ.

И оповѣдалъ все вчередъ
Казакъ про славный тотъ походъ
За поясъ каменный, и какъ
Путь пробивалъ себѣ Ермакъ
Чрезъ горы, рѣки и лѣса.
Была то рѣчь про чудеса
Терпѣнья, доблести, трудовъ
Отважной горсти удальцовъ
Въ средѣ невѣдомыхъ племенъ,
Среди враговъ со всѣхъ сторонъ,
Въ борьбѣ суровой безъ конца.
Царь молча слушалъ рѣчь Кольца,
Простой безхитростный разсказъ,

Склонясь на посохъ, зоркихъ глазъ
Не отводя, и лишь порой
Качалъ въ раздумьѣ головой,
Казацкой удали дивясь;
Иль мыслью въ край тотъ унесясь,
Онъ гордо подымалъ чело,
И было ясно и свѣтло
Царя суровое лицо.
Окончилъ рѣчь свою Кольцо
И снова билъ царю челомъ
Сибирскимъ царствомъ; и на томъ
Царь соизволилъ даръ принять
И повелѣлъ ему сказать
И Ермаку, и казакамъ,
По многимъ тяжкимъ ихъ трудамъ
И службамъ въ дальнемъ томъ краю,
Всѣмъ милость царскую свою.
Великимъ жалованьемъ ихъ
Пожаловалъ царь слугъ своихъ;
И одарилъ онъ ихъ казной,
Цвѣтными сукнами, камкой,
И рать на помочь имъ послалъ.
Такъ край Сибирскій Русью сталъ.

Такъ край Сибирскій Русью сталъ
И русскій людъ о немъ узналъ,
Провѣдалъ онъ, что въ томъ краю
Просторъ и воля, какъ въ раю,
Что всякій звѣрь и птица тамъ
Живутъ привольно по лѣсамъ,

И рѣки рыбою полны,
И нѣтъ конца тамъ цѣлины,
И нѣтъ ни царскихъ тамъ стрѣльцовъ,
Нѣтъ ни подъячихъ, ни дьяковъ,
Нѣтъ ни бояръ, ни воеводъ;
И вотъ, спасаясь отъ невзгодъ,
За поясъ каменный, путемъ,
Пробитымъ смѣлымъ Ермакомъ,
Пошла вся русская бѣда.
И все идетъ она туда,
Отъ той поры до нашихъ дней,
Со стародавней Руси всей.
И вольной волею идетъ,
И въ кандалахъ туда бредетъ
Многострадальная она, —
Бѣдна, убога, но сильна,
И заселяетъ пустыри,
И тамъ, гдѣ жили дикари,
На мѣстѣ дебрей и степей,
Средь ею жъ вспаханныхъ полей,
Все та же русская бѣда
Воздвигла села, города,
Все тотъ же бѣдный русскій людъ.
Все былъ его кровавый трудъ,
Но лишь того, зачѣмъ пришелъ,
Онъ и донынѣ не нашелъ.

Такъ съ той поры, изъ вѣка въ вѣкъ,
Шелъ крѣпкій русскій человѣкъ
На дальній сѣверъ и востокъ

Неудержимо, какъ потокъ.
Съ плохой винтовкой за плечомъ,
Иль съ неизмѣннымъ топоромъ,
Съ краюхой хлѣба въ кошелѣ,
Отдавъ поклонъ родной землѣ,
Отъ неприглядnаго житья,
Онъ шелъ въ безвѣстные края
Чрезъ тундры, рѣки и хребты,
Чрезъ быстрину и высоты;
Пока въ невѣдомой дали
Онъ не пришелъ на край земли,
Гдѣ было некуда идти,
Гдѣ поперекъ его пути,
Одѣтый въ бури и туманъ,
Всталъ необъятный океанъ
И грознымъ рокотомъ воловъ,
Казалось, говорилъ безъ словъ:
«Здѣсь власть моя!.. Здѣсь твой рубежъ!
«Ты за него не перейдешь!..»
И, какъ пигмея великанъ,
Суровый грозный океанъ
Пришельца звалъ на споръ съ собой;
И принялъ тотъ неровный бой
И не попятился назадъ.
Отважный, твердый, какъ булатъ,
Онъ сладилъ утлыя суда
И смѣло ринулся туда,
Въ неизмѣримый океанъ, —
И побѣжденъ былъ великанъ!...
И смѣлый русскій удалецъ,

Или изгнанникъ, иль бѣглецъ
Изъ дальней родины своей,
Сродясь не видѣвшій морей,
Онъ эту бездну переплылъ
И страны новыя открылъ
На самодѣльномъ кораблѣ;
И тамъ, въ невѣдомой землѣ,
Тамъ, въ полушаріи другомъ,
На берегу ему чужомъ,
Онъ водрузилъ нашъ русскій стягъ,
Чтобъ зналъ про то и другъ, и врагъ.

И не одинъ промчался вѣкъ,
А онъ, нашъ русскій человѣкъ,
Съумѣвшій все перестрадать,
Чтобъ Русь великую создать,—
Каковъ бывалъ онъ искони,
Таковъ теперь и въ наши дни.
И встарь и нынѣ, всюду онъ,
Куда бы ни былъ занесенъ,
Куда бъ ни брошенъ былъ судьбой
И кто бы ни былъ онъ порой:
Ушкуйникъ, вольница, казакъ,
Промышленникъ или варнакъ,
Отверженецъ среди людей,
Несчастный чаще чѣмъ злодѣй,
Или суровый старовѣръ,
Создатель скитовъ и пещеръ,
Гдѣ въ чащѣ дебри вѣковой
Таился онъ какъ звѣрь лѣсной,

Пустыни прелесть возлюбя,
Гдѣ заживо сжигалъ себя,
Чтобъ вѣру старую спасти
И душу праву соблюсти —
Все тотъ же онъ всегда, вездѣ;
Отважный, сносливый въ нуждѣ,
Смышленный, ловкій, удалой,
Несокрушимый подъ бѣдой,
Невозмутимый предъ врагомъ
И добродушный съ чужакомъ.
И тьмы прошли такихъ людей,
Изгнанниковъ съ родныхъ полей.
И сколько было между нихъ
Пизаровъ, Кортесовъ лихихъ,
Открывшихъ міру не одну
Дотоль безвѣстную страну,
И тамъ, средь дебрей, рѣкъ и горъ,
Невѣдомыхъ до этихъ поръ
Народовъ новыхъ племена...
И кто же знаетъ имена
Могучихъ тѣхъ богатырей,
Тѣхъ русскихъ доблестныхъ людей?

М. Розенгеймъ.

КЪ БУРЯТКѢ.

Люблю я странный твой нарядъ,
Твои неловкія движенья,
Люблю я твой нескромный взглядъ
И чуждой рѣчи выраженья...
Я помню вечеръ: вкругъ огня
Твои родные всѣ сидѣли,
И ты смотрѣла на меня,
Какъ я, больной, склонясь къ постели,
Въ припадкѣ тягостномъ страдалъ.
Заснули всѣ... но я не спалъ...
Мечты смѣнялися мечтами;
Твои я вздохи узналъ—
И безпокойными очами
Тебя во мглѣ густой искалъ.
Я помню утро: закипалъ
Душистый чай въ котлѣ широкомъ,
А ты въ молчаніи глубокомъ,
Склонясь къ узорчатымъ коврамъ,
Своимъ молилася богамъ.
Не обо мнѣ-ли, одинокомъ,
(Ахъ, не разрушь моей мечты!)
Не обо мнѣ-ль молилась ты?...

Быть можетъ, скромною тропою
И я до счастья добреду;
Тогда, растроганный мечтою,
Про Борзю пѣсню заведу.
Въ ней имя Бальджи будетъ всюду —
И я до гроба не забуду
Твое прощальное: мэнду!

Ѳ. Баульдауфъ.

1828 г.

КАМЧАДАЛЪ.

На крайнемъ востокѣ далеко, далеко,
Вдоль бурнаго моря, межъ тундръ и у скалъ,
Гдѣ бродятъ оленей стада одиноко,
Гдѣ въ мрачномъ безлюдьи теряется око, —
Ютится родной мнѣ дикарь—камчадалъ.

Вездѣ окруженный суровой природой,
Безсильный сознаньемъ, чтобъ дать ей отпоръ,
Повитый съ пеленокъ одной непогодой,
Онъ свыкся давно ужъ съ нуждой и невзгодой,
Несетъ безотвѣтно судьбы приговоръ.

Но божія искра таится всецѣло
Въ душѣ его дѣтской, и видится въ немъ,
Какъ въ зеркалѣ грубомъ, та мощь безъ предѣла,
Что съискони вѣка боролася смѣло
Не только съ природой—съ самимъ божествомъ.

Стремленье бороться и въ немъ проступало;
Хоть пасынокъ міра, онъ все же съумѣлъ
Слѣдовъ энергичныхъ оставить немало,
И громко бы имя Камчатки звучало,
Не будь ей младенческій созданъ удѣлъ.

Не онъ ли, дикарь, презираемый нами,
Являетъ собой безкорыстья примѣръ,
Служа намъ посильно своими трудами.
Хоть мы и перстомъ не подвинули сами
Для роста къ добру его принятыхъ мѣръ?

Не онъ ли по снѣжному полю зимою
Быстрѣе, чѣмъ пурга, на лыжахъ летитъ?
Не онъ ли ему лишь доступной стрѣльбою
Снабжаетъ Европу одеждой пушною
И мѣхъ горностая порфирамъ даритъ?

Но онъ же, по милости взрослаго брата,
Средь умственной тьмы выбиваясь изъ силъ
И къ дѣтскому вѣку не видя возврата,
Ничѣмъ неповинный, болѣзни разврата
Къ своей первобытной натурѣ привилъ.
Ты чѣмъ его выше, развитое племя?
Ты чѣмъ его поднялъ, гуманности вѣкъ?
Не тѣмъ ли, что въ наше кичливое время
Вездѣ вымираетъ, неся твое бремя,
Тобой развращенный дикарь-человѣкъ?
Мнѣ стыдно за міръ нашъ,—и многіе годы,
Равно и въ печальный, и въ радостный часъ,
Я васъ вспоминаю, о дѣти природы,
И думаю крѣпкую думу о васъ...

Омулевскій.

ВѢТРЯНКА.

КЪ РОДНЫМЪ ЦВѢТАМЪ.

Снѣгъ обогрѣло, ручьи зажурчали...
Ранней весной выхожу я на поле:
Надо взглянуть, какъ природа цвѣтетъ;
Грудью больной подышу я на волѣ.

Поле пустынно, но, символъ весны,
Первый цвѣтокъ, уже вышелъ наружу,
Скромная вѣтрянка робко взошла,
Робко взошла и поникла предъ стужей.

Холодъ ручьи леденитъ вкругъ нея,
Мелкая травка едва выползаетъ,
Вѣтеръ цвѣтокъ пригибаетъ къ землѣ,
Въ желтую чашечку снѣгъ нападаетъ.

Съ видомъ отчаянія шепчетъ цвѣтокъ:
— «Страшно цвѣтамъ, что всѣхъ ранѣе зрѣютъ:
Много несчастныхъ погибнетъ, пока
Солнце поля обогрѣетъ.

«Счастливы будутъ другіе цвѣты,
Гордо взойдутъ они въ жаркое лѣто,
Пышный, разряженный ихъ хороводъ
Встрѣтитъ природа привѣтомъ.

«Жизнь ихъ начнется въ веселой семьѣ,
Нѣжною дружбой, любовью согрѣта,
Лѣто повѣдаетъ много имъ чаръ,
Тайны и жизни и свѣта.

«Мы-жъ одиноко стоимъ среди бурь,
Вѣтеръ холодный въ лице наше вѣетъ,
Смерть наступаетъ въ то время, когда
Все на землѣ молодѣетъ»...

Вѣтеръ холодный вдругъ тутъ пахнулъ,
Снѣгъ понесло и цвѣтокъ увядаетъ,
Будто чахоточный въ пору любви
Ранней весной умираетъ.

Эта весенняя тихая смерть
Странное чувство во мнѣ пробудила:
Въ раннемъ цвѣткѣ я свой жребій проникъ,
Въ позднихъ цвѣтахъ—счастье родины милой.

Семилуженскій.

ЧЕРЕМУХА.

У берега милой, родимой рѣки
Съ роднаго я дерева вѣтку сорвалъ;
Посыпались снѣгомъ съ цвѣтовъ лепестки,
И снѣгъ этотъ руку мою осыпалъ.

И бережно снѣгъ тотъ сжималъ я рукой...
Не таялъ онъ, таяло сердце мое:
Проснулося все, что дарило тоской,
Что радость сулило—проснулося все.

Проснулось и дѣтство у милой рѣки
И юность въ столицѣ большой, и
Что такъ недалеки и такъ далеки
Такъ схожи съ цвѣтами въ лѣ

И таяло сердце,—и всею ду
Украсить желалъ въ упоеньи
Я черныя кудри въ столицѣ
Черемухой бѣлой съ родимой

КРАСНАЯ ЛИЛІЯ.

Не серебристо-нѣжной бѣлизною,
Не нѣжнымъ золотомъ у тонкаго стебля,
Она прельщаетъ свѣтлою весною,
Сорвать маня,—щадить моля...
Пылая алымъ пламенемъ сурово
И яркой искрой вспыхнувъ межъ камней,
Она, укрыта порослью кедровой,
Въ ея тѣни лишь кажется темнѣй;—
И [illegible] мрачно въ очи пѣшеходу
[illegible]лой красотой.

[illegible]вердитъ она народу,
[illegible] стопой—
[illegible] въ подземельи
[illegible]яжелое зерно;
[illegible]ь сѣверномъ ущельи,
[illegible]ъ,—исчахнуть суждено;
[illegible]ные пальцы
[illegible]лью осыпать,
[illegible]ные скитальцы,
[illegible] ревновать;

Сорви меня подъ пьяную хоть руку,
И изъ гармоники рыданье извлеки,
И пьяную слезу, оплакавъ жизни муку,
Ты урони ко мнѣ на лепестки!—
И брось меня: не злая незнакомка—
Мой блеклый прахъ возьметъ твоя тайга!

И гнется пѣшеходъ подъ рваною котомкой,
И давитъ лилію подковой сапога...

В. Михѣевъ.

---

* * *

Какъ бы жизнь ни шла сурово,
Что̀ бы ни было впередъ, —
Не должны мы безтолково
Опасаться за исходъ:

Каждый день приноситъ муки,
Но, повѣрьте, наши внуки,
Разобравши ихъ запасъ,
Поумнѣютъ изъ-за насъ.

Жизнь всегда чужда могилѣ,
Рѣки кверху не текутъ,
И не тьмѣ, не грубой силѣ,
Побѣдить упорный трудъ.

Омулевскій.

СИБИРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ СЫНУ.

Спи, дитя! Въ странѣ изгнанья,
Ты—ей сынъ родной;
Всѣ ея мечты, желанья,
Пусть ростутъ съ тобой.

Закалитъ твой духъ въ отчизнѣ
Сѣверный морозъ,
Чтобъ не могъ извѣдать въ жизни
Ты безсильныхъ слезъ.

Разовьется умъ твой бойко
Подъ родной просторъ,
Чтобъ въ борьбѣ стоялъ ты стойко,
Какъ вершины горъ.

Помни твердо, что народу
Призванъ ты слугой,
Что беречь его свободу —
Слава за тобой.

Спи, дитя! въ странѣ изгнанья,
Ты — ей сынъ родной;
Свѣтлый ангелъ упованья
Дремлетъ надъ тобой:

Какъ цвѣтетъ Сибирь родная
Вся цвѣтами сплошь,
Пусть и ты на радость края
Пышно расцвѣтешь!

Омулевскій.

ДУМА СИБИРЯКА.

(посвящается памяти И. В. Омулевскаго).

Если сердце щемитъ, сомнѣвается умъ
Въ достиженіи радостей жизни,
Поддаюсь я наплыву цѣлительныхъ думъ,—
Поддаюся мечтамъ объ отчизнѣ:
Зажигается чистая вѣра въ груди,
Вѣра въ благо и долю народа!—
И уже не смущаютъ меня впереди
Ни страданья, ни злая невзгода:
Предо мной лучезарный горитъ идеалъ,
Я свое понимаю призванье,
Я бы краю родному всю душу отдалъ,
За него претерпѣлъ истязанья!
Мнѣ хотѣлось бы свѣточъ науки поднять
И бороться съ невѣжествомъ темнымъ;
Мнѣ въ Сибири бы хлѣба хотѣлося дать
Всѣмъ голоднымъ, несчастнымъ, бездомнымъ!
Я бы встрѣтить желалъ гордый, честный талантъ,
Восхищеніе искреннимъ словомъ:

Обличалъ бы неправду—герой и гигантъ—
Онъ, въ величьѣ спокойно-суровомъ...
И тогда бы исчезла проклятая ночь
Подъ лучами зари золотыми.
А исчадія мрака умчались бы прочь
Въ дикомъ страхѣ, навѣянномъ ими!
О, блесни поскорѣе, желанный разсвѣтъ,
Надъ юдолью нужды и печали,—
Приходи же, носитель завѣтныхъ побѣдъ,
Изъ чудесной, таинственной дали!
Если-жъ сердце щемитъ, сомнѣвается умъ
Въ достиженіи радостей жизни,—
Я спѣшу отогнать рой навязчивыхъ думъ
И молюсь о сибирской отчизнѣ!

С. Бердяевъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ ДОЧЕРИ.

Когда ты выростешь современемъ большая
И, можетъ, посѣтишь далекій край родной,
На каждомъ тамъ шагу твой путь благословляя,
Да носится мой духъ незримо надъ тобой!

Люби свою страну не той пустой любовью,
Что съ звуками рѣчей уносится, какъ дымъ,—
Ты жертвуй для нея и плотію, и кровью,
Дѣлися съ ней трудомъ и разумомъ своимъ.

Тамъ въ-очію тебѣ представятся картины,
Какія и во снѣ инымъ не снятся вѣкъ:
Тамъ встрѣтишь ты и горы-исполины,
И звукъ ручьевъ, и шумъ гигантскихъ рѣкъ...

Омулевскій.

КЪ МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

Спѣшите, честные бойцы,
На дѣло родины святое!
Того, что сдѣлали отцы,
Отъ васъ потребуется вдвое...

Вамъ путь тяжелый предстоитъ
И ждетъ не мало васъ лишеній,
Но пусть вамъ силы подкрѣпитъ
Примѣръ минувшихъ поколѣній...

Не озирайтеся назадъ
Трусливыхъ выслушать совѣтовъ:
На то, что сзади говорятъ,
У васъ не можетъ быть отвѣтовъ...

Отвѣтъ за васъ произнесетъ
Высоко поднятое знамя —
И каждый грамотный прочтетъ,
Какое движетъ вами пламя!

Въ комъ духъ любви уже ослабъ,
Тому не мѣсто между вами:
Не долженъ быть «лѣнивый рабъ»
Между рабочими людями...

А ваши́ бодро пусть спѣшатъ,
Какъ будутъ силы ихъ ни малы:
Плохъ—говорятъ у насъ—солдатъ,
Когда не мѣтитъ въ генералы...

Еще далеко та страна,
Гдѣ протекаютъ рѣки медомъ;
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ;

Не вамъ дано въ ней отдохнуть,
Кончая подвигъ жизни бранной...
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной!

Омулевскій.

ПОДРАСТАЮЩИМЪ ЗЕМЛЯЧКАМЪ.

Тамъ, у себя, въ родной глуши,
Роскошнымъ цвѣтомъ разцвѣтая,
Вы чувства лучшія души
Должны беречь на пользу края.

Отъ васъ, грядущихъ матерей,
Зависитъ подвигъ многотрудный —
Дарить землѣ богатырей,
Достойныхъ родины ихъ чудной.

Пускай же въ юномъ ихъ краю,
Питаясь вашими грудями,
Къ нему всосутъ любовь свою
Они съ младенческими днями.

Пускай преданья старины
Надъ колыбелью ихъ витаютъ
И пѣсни пусть родной страны
Почаще ухо имъ ласкаютъ.

Да! тамъ, на родинѣ моей,
Дарами всякими богатой,
Недостаетъ живыхъ людей —
Нѣтъ жизни, мыслію объятой.

Зато и чести нѣтъ иной,
И права нѣтъ на свѣтѣ краше—
Сказать предъ цѣлою страной:
«Вотъ это поколѣнье—наше!

«Краснѣть намъ не за что предъ нимъ;
Родимой вскормленное кровью,
Къ своей землѣ, къ полямъ своимъ,
Оно проникнуто любовью.

«Мы горько плакали не разъ
У изголовья колыбели,
Но духъ корысти чуждъ былъ насъ,
Какъ чисты были наши цѣли.

«Не намъ судить свои дѣла,
И мы не ждемъ иной награды,
Помимо той, чтобъ ты цвѣла,
Земля родная, безъ преграды!»

И вѣрьте мнѣ, когда падутъ
И на Сибирь потоки свѣта, —
Помянутъ съ гордостью вашъ трудъ
Стихи грядущаго поэта.

И возвеличитъ васъ народъ,
И долго, долго будутъ милы
Ему, принесшія свой плодъ,
Давно забытыя могилы...

Омулевскій.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

СИБИРСКІЙ ТОСТЪ.

За движеніемъ стрѣлки часовъ
Я слѣжу и о прошломъ тоскую:
Такъ и рвется душа изъ оковъ
Чуждой жизни въ среду ей родную.
Погоди же, мой край дорогой!
Пусть бьетъ полночь, — и мыслью съ тобой
Я въ кругу земляковъ запирую.

Земляки! Новый годъ ужъ насталъ...
Я его на чужбинѣ встрѣчаю;
Но тѣмъ выше за васъ мой бокалъ
И за родину я поднимаю.
Пусть, какъ пѣнится это вино,
Жизнь кипитъ въ ней, не павши на дно...
Честь и слава родимому краю!

Тамъ, за сотнями верстъ, какъ и здѣсь,
Новый годъ народился пригожій
И, какъ юноша, полонъ онъ весь

Упованій, вступая въ міръ Божій.
Пусть же вѣруетъ въ силу свою
Молодежь и въ далекомъ краю...
Честь и слава родной молодежи!

Но помянемъ съ любовью и тѣхъ,
Кто теперь и подъ старческимъ видомъ
Носитъ юную душу для всѣхъ
Нашихъ братьевъ, причастныхъ обидамъ, —
Кто стезею родимыхъ намъ мѣстъ
Несъ за насъ же страдальческій крестъ...
Честь и слава роднымъ инвалидамъ!

И до насъ выступали борцы,
Край родной защищая по силамъ, —
Тѣхъ ужъ нѣтъ, тѣ давно мертвецы;
Но въ томъ прахѣ когда-то по жиламъ
Протекала горячая кровь,
Билась къ родинѣ жарко любовь...
Честь и слава родимымъ могиламъ!

Наполняю бокалъ мой опять.
Край прекрасный, единственный въ мірѣ,
Я хотѣлъ бы тебѣ пожелать —
Чтобъ, подобно простору и шири
Нашихъ рѣкъ исполинскихъ, развилъ
Ты всю мощь своихъ дремлющихъ силъ...
Честь и слава далекой Сибири!

Омулевскій.

ОБОРВАННЫЯ СТРУНЫ.

(Изъ неоконченныхъ стихотвореній).

Во полуночный часъ, въ вожделѣнной тиши,
Когда нѣту со мной ни единой души,
Я молюсь съ неизмѣнной любовью

За тебя, молодежь! чтобъ въ неравной борьбѣ
Не испортила въ жизни побѣду себѣ
Ты своею горячею кровью;

Чтобъ и тѣни сомнѣнья не вѣдала грудь,
Что въ ближайшемъ грядущемъ не будетъ твой путь
Благодарно усыпанъ цвѣтами;

Чтобъ на небѣ твоемъ не носилося тучъ,
Чтобъ твой голосъ всегда, силой правды могучъ,
Вдохновенно звучалъ между нами;

Чтобъ ты грудью свой край, какъ дитя свою мать,
Защищала, несмѣтная юная рать,
На родимыхъ поляхъ умирая, —

И чтобъ мы, старики, утѣшаясь тобой,
За тебя, какъ за вѣру, стояли горой,
На печальные дни не взирая.

Омулевскій.

*
* *

Пройдутъ года—и ты, страна родная,
Во всей красѣ могучей расцвѣтешь!
Минуетъ ночь—и, свѣтъ зари встрѣчая,
Отгонишь ты видѣній сонныхъ ложь...
Благословенъ для дремлющаго края
Подобный мигъ, какъ страсти первой дрожь!

Въ тотъ чудный мигъ, въ лучахъ того разсвѣта,
Растаетъ тьма, объявшая тебя;
Ты міру дашь могучаго поэта,
Ты пріютишь любовно у себя
Чужихъ пѣвцовъ и тѣхъ скитальцевъ свѣта,
Кому не въ мочь на родинѣ борьба...

Со всѣхъ сторонъ сойдутся на работу
Твои сыны — твои богатыри;
Завѣтъ ихъ грезъ свершится йота въ йоту;
Замѣнятъ торгъ — науки алтари...
О, лишь одно томитъ меня до гнету:
Мнѣ не дожить до чудной той поры!

Но, все равно, исполненъ обаянья
И для меня грядущій твой удѣлъ:
Вѣдь я съ тобой переживалъ страданья,
Я росъ, какъ ты, подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ...
Да будетъ же хоть сладость упованья
Наградой мнѣ за горечь темныхъ дѣлъ!

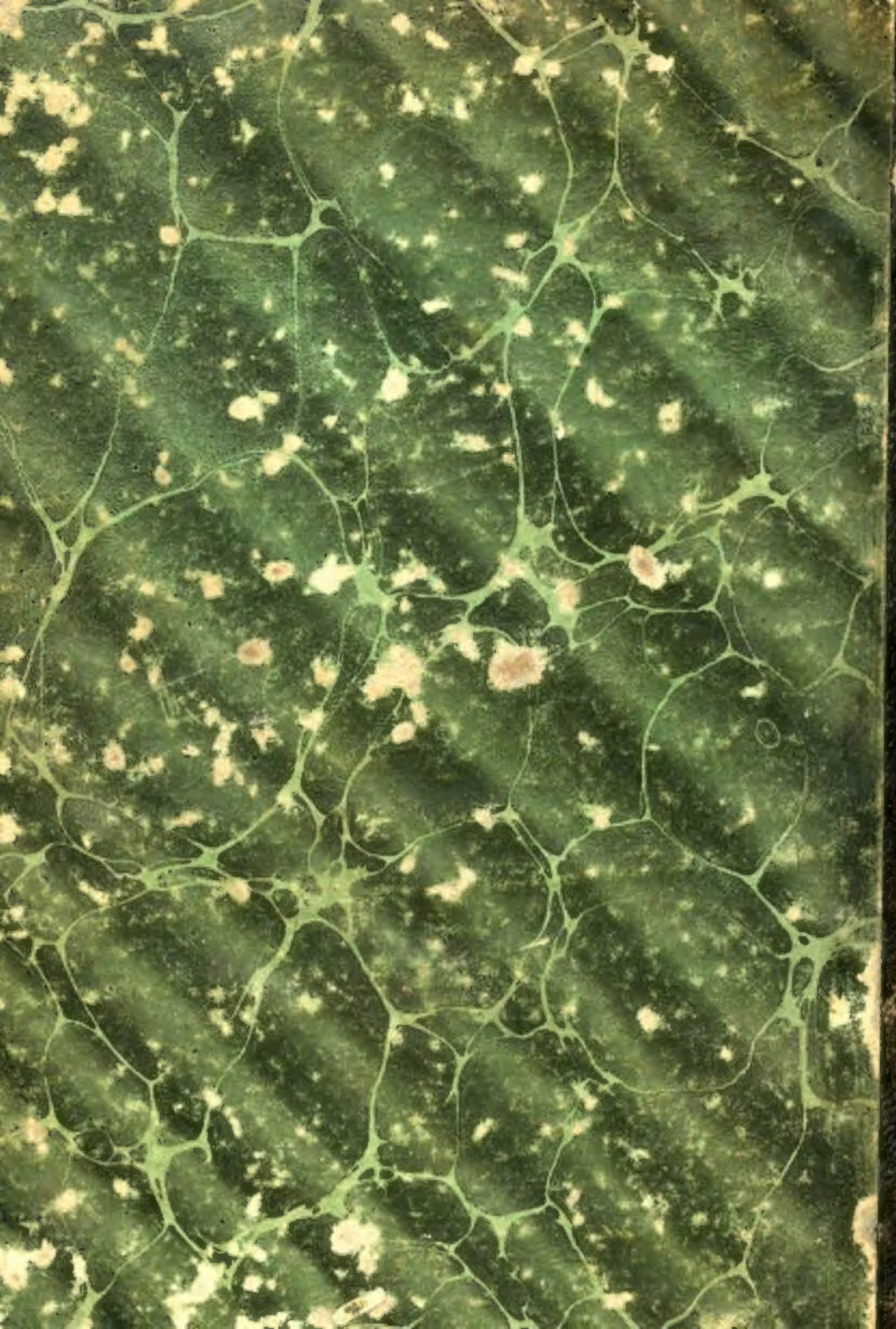
Любовь къ тебѣ и вѣру ту живую
Я унесу въ могилу за собой, —
Пускай и тамъ, въ ночь вѣчности глухую,
Онѣ стоятъ на стражѣ надо мной:
Ихъ талисманъ подобенъ поцѣлую
Любимыхъ устъ въ часъ смерти роковой!

Омулевскій.

Издатель покорнѣйше проситъ исправить слѣдующія опечатки:

Страница.	Строка сверху.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
2	10	Что бы	Чтобы
14	16	Расползаются въ степяхъ,	Расползаются въ степяхъ.
14	19	близъ	близь
16	8	Блещетъ новой красотой,..	Блещетъ новой красотой....
18	4	Суждено ихъ какъ въ гробъ, принимать...	Суждено ихъ, какъ въ гробъ, принимать...
22	10	Унеслась и дремота за ней,	Унеслась и дремота за ней.
22	16	Рукавицу да голосъ дружка.	Рукавицу, да голосъ дружка.
23	22	Точпо исповѣдь слышится мнѣ:	Точно исповѣдь, слышится мнѣ:
35	9	Замѣтивши меня - гроза сибирскихъ бабъ—	Замѣтивши меня—гроза сибирскихъ бабъ,—
40	9	Сонъ пропалъ. Но грезы все ростутъ.	Сонъ пропалъ. Но грезы все ростутъ,
42	4	Пасмурныхъ лиственницъ видъ	Пасмурныхъ лиственницъ видъ.
60	4	Взметаютъ дорожную пыль	Взметаютъ дорожную пыль.
60	12	Конвойные съ ними идутъ,	Конвойные съ ними идутъ.
65	16	Съ прежде безплодной земли,	Съ прежде безплодной земли.
68	9	Среди вьюги зимней	Среди вьюги зимней,
68	10	Осенью холодной	Осенью холодной,
70	13	И смѣются дѣти	И смѣются дѣти,
73	1	Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшону,	Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
73	2	А, намъ, казакамъ быть переловленнымъ,	А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
73	7	Гей, выдумайте, братцы, вы подумайте,	Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте,
73	9	Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,	Зазимуемъ мы, всѣ братцы, въ Астрахани,
73	15	Да по синему морю по Хвалынскому,	Да по синему морю, по Хвалынскому,

Страница.	Строка сверху.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
73	19	Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго,	Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго.
73	29	Ой вы гой еси, братцы атаманы молодцы,	Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
74	11	И ва то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.	И—за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
74	15	Понесу я Царю Бѣлому повинную.	Понесу я Царю Бѣлому повинную:
74	16	Ой ты гой еси, надежда православный Царь,	Ой ты гой еси, надежа Православный Царь,
74	17	Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить,	Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
74	18	Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,	Какъ и я-то, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
74	20	Какъ и я-то, гулялъ вѣдь по синю-морю,	Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю-морю,
74	21	Что по синю морю по хвалынскому;	Что по синю-морю, по Хвалынскому;
75	5	И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.	И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный, тихій Донъ.
77	18	И залегли они сверху того камени	
78	11	Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ	Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ—
78	12	соро	скоро
79	7	князьяка	князька
79	13	Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ	Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
84	11	И билися, дралися съ Татарами время не малое	И билися, дралися съ Татарами время не малое;
90	8	На жаркой постели недуга:	На жаркой постели недуга;
90	9	Съ румянцемъ ланитъ лучь надежды погасъ:	Съ румянцемъ ланитъ лучь надежды погасъ,—
90	14	Простерла поблеклыя руки:	Простерла поблеклыя руки;
90	19	Священъ для живыхъ передсмертный завѣтъ:	Священъ для живыхъ передсмертный завѣтъ,
92	24	Въ улусъ потекли, озаряясь назадъ.	Въ улусъ потекли, озираясь назадъ.
98	9	Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной,	Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
103	6	Ихъ рѣчь живѣе и живѣй	Ихъ рѣчь живѣе и живѣй,
105	23	Кого въ Петрѣ—врага иль друга	Кого въ Петрѣ—врага, иль друга

Страница.	Строка сверху.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
106	1	изгнаньѣ	изгнаньи
108	8	Природу въ саванъ снѣговой:	Природу въ саванъ снѣговой.
108	19	быстромъ нартѣ	быстрой нартѣ
109	14	Онъ входитъ въ двери. Лучь привѣтной,	Онъ входитъ въ двери. Лучь привѣтной
109	19	въ запустеньѣ	въ запустеньи
111	1	Давно то было, было встарь —	Давно то было, было встарь.—
112	7	Народной кровью царскій гнѣвъ...	Народной кровью царскій гнѣвъ.
112	14	врознь	врозь
114	10	Взоръ на иконы и склонилъ	Взоръ на иконы, и склонилъ
114	30	Отнять грозился старый Псковъ,	Отнять грозился старый Псковъ;
115	7	Великой милостью своей,	Великой милостью своей;
115	24	Отважной горсти удальцевъ	Отважной горсти удальцевъ;
118	15	Всталъ необъятный океанъ	Всталъ необъятный океанъ;
118	23	И принялъ тотъ неравный бой	И принялъ тотъ неравный бой,
119	28	Гдѣ въ чащѣ дебри вѣковой	Гдѣ, въ чащѣ дебри вѣковой
120	9	Невозмутимый предъ врагомъ	Невозмутимый предъ врагомъ,
124	8	Не онъ ли ему лишь доступной стрѣльбою	Не онъ ли, ему лишь доступной стрѣльбою
124	23	Я васъ вспоминаю, о дѣти природы,	Я васъ вспоминаю, о, дѣти природы!

Инв 238.
9 20к.
1-я Советская Центр. Библиотека. г. Тюмень.